

Анхель де Куатьэ

В поисках скрижалей

ДНЕВНИК СУМАСШЕДШЕГО

четвертая скрижаль завета

книга пятая

Куатьэ, Анхель де

Поиски Скрижалей продолжаются!

Новая книга Анхеля де Куатьэ написана другим человеком. Это настоящий дневник настоящего сумасшедшего — юноши, носившего в себе четвертую Скрижаль Завета. Он болен шизофренией и хочет уничтожить мир. Об этом он сообщает с самого начала, на первой же странице своего дневника.

Дальше мы становимся очевидцами разворачивающегося на наших глазах безумия... Но как получается, что эта исповедь постепенно становится опытом духовного причастия?..

Он искал правду, не понимая, где реальность, а где плод его воспаленного воображения. Он летел на пламя просто потому, что у него не было другого пути. И за его бредом оказывалось подчас куда больше здравого смысла и правды, чем в многочисленных «здравых рассуждениях» нынешних властителей дум.

Как увидеть истину, если тебя предали, а твоё сознание рассыпается осколками безумия? Нужно быть чистым сердцем.

Ищите человека? Так от кого же вы бежите?..

•<Мы не даем себе шанса быть цельными. Мы раздвоены.

Это потому, что мы не доверяем себе. Нам кажется, что у

нас есть «темная половина» — недостойная, порочная, слабая, глупая. Каждый думает о ней по-своему, но все мы ее ненавидим. Мы ненавидим что-то а себе и скрываем его от других, а часто — и от самих себя».

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ ИЗДАТЕЛЯ
ПРЕДИСЛОВИЕ
ПРОЛОГ
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ЭПИЛОГ

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

В предисловии к книге «Схимник» я оставил адрес своей электронной почты. Надеялся, что Анхель де Куатьэ откликнется на мою просьбу и напишет в издательство, но тщетно. На этот адрес пишут его читатели. Они задают мне и ему массу вопросов, на которые я при всем желании не могу ответить. Все, что я знаю об Анхеле де Куатьэ, — в его книгах. Но теперь ситуация несколько изменилась... И сейчас вы поймете, почему.

Рукопись «Дневника» нежданно-негаданно пришла именно на этот электронный адрес. Признаться, когда я открыл почту и увидел письмо Анхеля де Куатьэ, то просто глазам своим не поверил. Сначала мне даже подумалось, что это чья-то злая шутка. Ведь я всегда с волнением жду рукопись Анхеля де Куатьэ. Я думаю, что мое состояние его читатели хорошо понимают. И вот я нахожу ее там, где совсем не ожидал увидеть. Впрочем, удивляться нечему, она всегда обнаруживается неожиданно.

Сама рукопись была в приложенном к письму файле, а вот текст письма:

«Уважаемый Издатель! Мы с Данилой видели первые четыре книги и искренне благодарим Вас за их издание. Четвертая Скрижаль Завета тоже найдена. Но, к сожалению, поиски приостановились. Это плохой знак. Однако мы пытаемся не отчаиваться. Быть может, если вы разместите в следующей книге наш электронный адрес, это как-то поможет делу. Еще раз спасибо, и всего доброго! Анхель де Куатьэ». Вот этот электронный адрес: anhel@skrizhali.com

С замиранием сердца я открыл приложенный к письму файл с текстом «Дневника». Отправив его на печать, я стал читать с экрана. Так и прочел всю книгу — за один присест, от начала и до конца. Чуть позже я узнал, что работа издательства тем временем была парализована. Мой принтер расположен у секретаря, и,

конечно, о появлении новой книги Анхеля де Куатьэ в издательстве вскоре знали все, включая службу охраны и уборщиц.

Дисциплинарных мер к моим «тунеядцам» я, разумеется, не принял. То, что книги Анхеля де Куатьэ ждут и читают с таким интересом, вселяет в меня надежду. Сколь бы трудными ни были поиски Анхеля и Данилы, я верю, что они в конце концов увенчаются успехом. На кону ни много ни мало наше с вами будущее. Оно, как мы все хорошо понимаем, может быть разным. И каким именно оно будет, зависит только от нас.

Человечество может и потерять, и найти себя. Пока эта альтернатива у него есть. Но страшно, если в какой-то момент она исчезнет. Мы проснемся, а кто мы и зачем мы живем — неизвестно. Страшно, если мы перестанем даже задаваться этими вопросами, не спросим себя и не задумаемся. К сожалению, пока человечество идет именно этой дорогой. Мы все меньше ценим жизнь и все настойчивее размениваем ее на медяки.

Сейчас я все больше понимаю, почему Скрижали Завета оказались именно в России, а не в Америке или, например, Франции, почему именно нам предстоит принять на себя главный вызов, обращенный ко всему человечеству. Задаваться вопросом о смысле жизни в России никогда не было зорным. Мы испытываем потребность знать правду, следовать дорогой истины, даже если этот путь не обещает быть легким.

«Дневник сумасшедшего» — книга об отношении человека к жизни. Мне часто приходилось слышать, особенно от молодых людей: «Я бы взорвал этот мир!» Как такая странная и безумная идея вообще может прийти человеку в голову? Я удивлялся. Мне казалось, что это признак бездушия и глупости. Но теперь я вижу психологию этих людей совсем в ином свете. И я искренне надеюсь, что эта книга поможет многим.

Название книги — «Дневник сумасшедшего», потому что это настоящий дневник настоящего сумасшедшего. Насколько я понимаю, Анхель лишь чуть-чуть отредактировал текст ее фактического автора — Мити (фамилия мне неизвестна). Именно в Мите была спрятана четвертая Скрижаль Завета, о которой мы и узнаем из этого дневника. Митин диагноз — шизофрения.

Я попросил моего друга, врача-психиатра, посмотреть рукопись «Дневника». Я спросил у него: «Возможно ли, что ее написал душевнобольной?» Он позвонил мне на следующий же день.

«Потрясающая книга! — услышал я в телефонной трубке. — Это мои читательские впечатления. А как специалист одно скажу: я еще никогда не читал столь точного и глубокого описания психоза».

Для нас мир человека, страдающего шизофренией, загадка и тайна. Многие в нем кажется нормальному человеку странным и нелепым, в чем-то даже смешным. Можно сказать, что это другая реальность, другое измерение. Психиатры утверждают, что мир больного похож на сновидение. И, читая Митин дневник, понимаешь, что это на самом деле так. Остается вспомнить, какое значение придают снам индейцы, чтобы понять: один шизофреник иногда значительно ближе к истине, чем та-другая сотня здоровых.

Многие выдающиеся люди, настоящие гении, страдали психическими заболеваниями. Наверное, это не случайно. Пользуясь терминологией Анхеля де Куатьэ, психическое расстройство — это другая «точка сборки». И неудивительно, что она позволяет больному взглянуть на мир как-то иначе, увидеть в нем то, что не доступно обычному человеку.

«Ив Тьме есть Свет, и в Свете — Тьма», — говорит главный герой книги, и это так.

Не сомневаюсь, что «Дневник» произведет на вас сильное впечатление. Книга не может оставить равнодушным. К ней хочется возвращаться, ее хочется перечитывать. Тонкая нить рассуждений главного героя вьется, подобно загадочной вязи изящного кружева. Потрясающие по глубине мысли и пронзительные замечания рассыпью ложатся по тексту. Но главное — тот внутренний посыл, та огромная сила, которые заключены в самой истории человека, написавшего этот дневник.

Когда я начал читать эту книгу, мне показалось, что ее изложение лишено всякой внутренней логики — настоящий бред. Но с каждой страницей я все отчетливее понимал — с героем не происходит ничего случайного. Все обрушивающиеся на него события, каждая его мысль, каждое слово второстепенных персонажей, наслаиваясь друг на друга, сплетаются в единое целое, скручиваются в мощную спираль, устремленную в сокровенную глубину смысла.

Перелистывая страницы, в какой-то момент начинаешь испытывать чувство неловкости. Кажется, будто, не будучи священником, ты стал свидетелем исповеди. Но заглянув внутрь себя, на свои чувства и переживания, видишь, что на самом деле исповедуется не автор дневника, а его читатель. Да, эта книга, начинающаяся с рассказа о бредовом плане сумасшедшего юноши разрушить и уничтожить мир, постепенно превращается в мистерию духовного причастия.

Каждая книга Анхеля де Куатьэ — откровение. Но по прочтении «Дневника сумасшедшего» ты понимаешь: Анхель — лишь свидетель этого откровения, от всего сердца передающий его всему остальному миру. Истинное откровение — в нас.

Издатель

P.S.: В сети Интернет появился сайт, созданный людьми, которым небезразлична судьба поисков Анхеля и Данилы — www.FourZero.net До встречи!

Мне трудно в это поверить, но прошел уже почти год с начала наших поисков. Год назад знаки прочертили Даниле путь на Байкал. В любом справочнике вы прочтете, что Байкал — самое глубокое в мире озеро с кристально чистой водой и уникальной экосистемой. Но Байкал — это не просто природный феномен. С незапамятных времен люди считают его святым местом. На его берегах вырос один из крупнейших центров буддизма, а до этого из века в век Байкал, как настоящую святыню, хранили шаманы.

Каким образом и когда на священное озеро попали Скрижали Завета — неизвестно. Мы почти ничего не знаем и о хранителях Скрижалей — схимниках. Последний из них погиб на глазах у Данилы в тот день, когда Скрижали Завета были похищены Тьмой. Единственное, что известно наверняка, так это то, что семь Скрижалей Завета хранят в себе тайну спасения человечества.

Об этом Данила узнал там же — на Байкале — от Источника Света.

Разговор с Источником Света был совсем коротким. Данила успел задать только несколько важных вопросов. Из ответов Источника Света Данила узнал о том, как Тьма приобрела силу и почему дни нашей истории сочтены. Источник Света рассказал Даниле о той войне, которая идет сейчас между Светом и Тьмой. Немногие догадываются об этом, но каждый из нас участвует в этой войне.

Все мы принадлежим единому целому. Наши души — это Частицы Света, а Свет един. Его нельзя разделить на части. Люди отличаются друг от друга только внешне — у каждого своя физическая оболочка и своя психика. Но наши сущности — Частицы Света — похожи друг на друга как братья-близнецы. Все мы родом из Царства Света. И у каждого великая миссия, на каждом лежит огромная ответственность.

Изначально Тьма была просто *веществом*. Источник Света хотел преобразовать Ее в Свет. Для этого Он и отправил Частицы Света во Тьму. Работой души мы могли превратить Ее в Свет, но мы испугались смерти. Это стало поворотной точкой истории человечества. Произошла подмена ценностей — сиюминутное и поверхностное стало важнее вечного. Мы забыли о своем предназначении и дали Тьме силу, которой у Нее не было.

Если борьба с Тьмой окончится неудачей, Источник Света просто уйдет. Так Он сказал. Сейчас решается не Его, а *наша* судьба. Победа в этой схватке — это вопрос нашего будущего. Это истинное испытание. Источник Света не оставил нас без Своей помощи. Он создал своего рода инструкцию, последнее средство — Скрижали Завета. Это семь истин, в которых заключена тайна преодоления страха смерти.

Страх смерти — ахиллесова пята человечества. Дрогнув перед лицом смерти, человек перестает доверять Свету и своей душе. Так Тьма обретает силу. Лишь немногие продолжают обращать Тьму в Свет. Большинство хватается за мирское и гибнут. Они обращают свой Свет во Тьму Мира. Они стоят на стороне Тьмы и увеличивают Ее силы. Они не знают об этом, но это правда.

И чем дальше мы с Данилой продвигаемся в поисках Скрижалей Завета, тем больше я задумываюсь над этим парадоксом. Как получилось, что мы, являясь Частицами Света, отказались от Него? Как могло случиться, что мы сами отдаем свои силы Тьме? Последняя из найденных нами Скрижалей — четвертая Скрижаль Завета — сделала зримой эту страшную правду о человечестве, ярко и пронзительно.

Теперь я понимаю, что первые три Скрижали Завета дались нам относительно просто. И это несмотря на ту цену, которая была за них заплачена. Маленький буддийский монах Агван погиб, сопровождая Данилу к Байкалу. Он принял свою смерть, как герой. Зная, что ему предстоит умереть, он не дрогнул и прошел весь путь до самого конца.

Кристина и Максим, в существовании которых были спрятаны первая и третья Скрижали Завета, тоже стояли на пороге смерти. Только вмешательство Провидения спасло их жизни и жизнь еще не рожденной дочери Кристины. Вторая Скрижаль тоже не досталась Тьме, но спасти Илью нам так и не удалось.

С тех пор я часто просыпаюсь посреди ночи весь в холодном поту. Я снова вижу Илью, стоящего на дороге смерти. Он знает, что его личная судьба уже предрешена, но исход битвы Света и Тьмы пока не известен. От его силы и решимости в этот момент зависит судьба мира, и он, отчаявшийся, продолжает сражаться.

«Нет, Анхель, — говорит мне Илья, — смотри мне в глаза, пожалуйста! Я буду держаться столько, сколько смогу. Но сегодня я умру, я уже знаю это. Знаю точно. Смотри мне в глаза, Анхель, это единственное, что меня держит. Анхель, помоги мне, я буду стараться...»

Мы должны продолжать свои поиски с обреченностью и с таким мужеством.

Тьма угрожает смертью каждому, кто носит в себе Скрижаль Завета. Если погибнет тот, в ком она спрятана, мы не узнаем ее тайный текст. А без одной Скрижали остальные теряют всякий смысл. Поэтому Тьма буквально охотится за Избранными.

Мы храним содержание уже открытых нами Скрижалей в тайне. Перед самой смертью Схимник сказал Даниле, если Тьма прочтет их, гибель мира будет делом решенным.

Данила иногда грустно шутит: «Сюжет, — говорит он, — напоминает "Двенадцать стульев"». Но, к сожалению, эта шутка — совсем не шутка. Мы ищем не сокровище и не богатство, чем озабочено сейчас все человечество, «следующее своей судьбе». Мы ищем ту истину, которая способна уберечь душу от мрака Небытия.

В погоне за «сокровищами» — деньгами, славой, властью — современный человек потерял нечто очень важное. Он потерял самого себя. Мы словно забыли о своем предназначении. И теперь — или

покоримся велению Рока, что не сулит нам ничего, кроме гибели, или, преодолевая себя, защитим свое право на Свет.

Тоска, печаль и безысходность — вот то состояние, в котором отчаянно барахтается современный человек. И ведь так происходит не только в России, но и во всем мире. В мире, может быть, даже больше, чем в России. Россия — Избранница Источника Света, и свою роль в спасении мира пока только начинает осознавать.

Русская душа еще может противостоять искушениям. Западный человек не выдержал этого испытания, и его время уже упущено. За мировыми сводками экономических побед и политических свершений кроется всепоглощающая тоска и безысходность. Только слепец не заметит этого. Наш мир гниет изнутри.

Но страшно не то, что цивилизация, рапортуя об успехах, прямоком движется к катастрофе, страшно то, что наши души не знают ничего, кроме страха. Человек в «эпоху потребления» с ужасом думает о хлебе насущном, который год от года становится все насущнее и все дороже.

В конце концов мы отравимся собственным «хлебом».

Мы разучились любить, мы потеряли способность доверять и теперь даже не испытываем потребности заботиться друг о друге. Что-то сломалось у нас внутри, выхолостилось, развеялось по ветру. У нас нет ответов на самые простые вопросы: «Кто я?» и «Зачем я живу?» На что мы можем рассчитывать?

Четвертая Скрижаль Завета, о которой вы прочтете в этой книге, была спрятана Тьмой в безумце, в юродивом, как бы сказали раньше. И мне кажется, что это само по себе — *знак*. До чего же дошел наш мир, если даже обездоленные люди, сами нуждающиеся в помощи и защите, должны идти в бой, отстаивая право человечества на Свет?!

«Мир плох», — постоянно повторял Митя — человек, в котором Тьма спрятала Четвертую Скрижаль Завета. И я готов повторить за ним: мир плох, но он плох не сам по себе. Он плох, потому что мы такие. В конце концов мы ищем не украденное у нас счастье, мы ищем противоядие от *собственного* страха смерти.

Вот что такое Скрижали Завета. И нужно иметь мужество, чтобы смотреть этой правде в глаза.

Сейчас счет в своеобразном «матче» между Светом и Тьмой — четыре к трем в нашу пользу. Четвертая Скрижаль найдена, осталось всего три. Но я с содроганием думаю о том, каким трудом и, быть может, какой ценой нам дадутся оставшиеся...

Данила считает, что Тьма — это просто человеческие пороки, что она не может непосредственно влиять на результаты нашего поиска. Я придерживаюсь другой точки зрения. И мне кажется, что наше последнее «путешествие» стало тому доказательством.

Я больше чем уверен, что в дальнейшем Тьма будет проявлять Себя все сильнее и сильнее. Мне трудно представить, как именно, но я почти не сомневаюсь в том, что скоро мы столкнемся с Ней лицом к лицу.

Когда обезумевший Схимник встретился с Данилой, он посчитал, что видит перед собой персонифицированное Зло. Ему показалось, что перед ним посланник Тьмы, а значит, он допускал такую возможность — встретить «Дьявола во плоти».

Может быть, Схимник и ошибался, но... Перед этим Тьма похитила у него Скрижали. Какой Она предстала перед ним в тот момент? Видимо, в образе человека. Иначе он не принял бы Данилу за Антихриста. Впрочем, это единственное основание, которое позволяет мне думать, что у Тьмы может быть «лицо».

Так или иначе, но мы уже перешли определенный рубикон. Сейчас численный перевес за нами — четыре против трех. Но было бы, наверно, наивно думать, что Тьма даст нам двигаться дальше с той же относительной легкостью, как и прежде.

Источник Света наделил Данилу способностью чувствовать связь с теми людьми, которые хранят в себе Скрижали Завета. Каждый раз этот контакт ощущается Данилой по-разному. Пока это помогало нам находить Избранников. Так было и на этот раз.

Как я уже сказал, четвертый Избранник — человек не совсем обычный. Он официально страдает шизофренией. Поэтому логика его размышлений часто кажется странной и не всегда понятна. А то, что с ним происходило, выглядело зачастую как настоящий бред.

Но все это время меня не покидало ощущение, что за этим бредом и в этом бреде куда больше здравого смысла и правды о мире, чем в многочисленных «здравых рассуждениях» нынешних властителей дум.

В основе этой книги лежит Митин дневник. Я лишь чуть-чуть отредактировал текст в тех местах, где запись сделана нечетко или отсутствуют какие-то значимые известные мне факты.

Сначала я думал, что мне нужно рассказать эту историю своими словами от начала и до конца. Но ни одна из попыток, сделанных в этом направлении, успехом не увенчалась. Я днями напролет читал и перечитывал Митины записи. И чем дальше, тем больше убеждался — сделать эту историю «понятнее» и «логичнее» невозможно.

Трудно не заметить, что ее писал психически больной человек. Что-то в этих записях отражает реальность, что-то является плодом безумия. Но и то, и другое происходило с Митей. А поэтому, я думаю, было бы правильно сохранить в этом тексте и то и другое. В противном случае читатель «Дневника» просто не почувствует четвертую Скрижаль Завета, не поймет, в чем ее суть. Пока же мы не можем озвучить Ее текст, приходится ограничиться только таким — интуитивным — пониманием.

Мною в этой книге написаны лишь предисловие, пролог и эпилог. В прологе на этот раз я рассказываю историю Екклесиаста. Нам с Данилой кажется, что она позволит вам лучше понять то, о чем *на самом деле* Митя пишет в своем дневнике.

Я не знаю, насколько это можно почувствовать, читая текст Митинового дневника, но то, что сделал этот молодой человек, потрясло меня до глубины души. Ему пришлось бороться не только с Тьмой, но и со своим собственным безумием. И он боролся.

Он одержал победу над Тьмой, преодолевая болезнь. Он искал правду, не понимая, где реальность, а где плод его воспаленного воображения. Он был в отчаянном положении. Он страдал болезнью, которая, как утверждают врачи, делает человека эгоистом, отрешенным от мира. Но он думал о тех, кто нуждается в его помощи.

Легко понять истину о душе, когда речь идет о любви и ненависти. Нетрудно разглядеть страх, когда ты сталкиваешься со страданием. Но как увидеть истину там, где даже сознание отказывается говорить правду? Для этого нужно быть чистым сердцем. Попробуйте полюбить этого странного человека, и вы услышите скрытую в нем Скрижаль...

Знаю твои дела, и любовь, и служение, и веру, и терпение твое, и то, что последние дела твои больше первых.

И уразумеют все церкви, что Я есть испытывающий сердца и внутренности; и воздам каждому из вас по делам вашим.

Кто побеждает и соблюдает дела Мои до конца, тому дам власть над язычниками, и будет он пасти их жезлом железным. Как сосуды глиняные, они сокрушатся.

Я получил власть от Отца Моего;
И дам ему звезду утреннюю.
Имеющий ухо да услышит, что Дух говорит церквам.

*Откровение святого
Иоанна Богослова,
2:19,23,26-29*

ПРОЛОГ

Соломона называли мудрым, и своей мудростью он прославился в веках. Он возвысил свое царство над другими. Он построил Дом для Господа, какого земля еще не видела. Но в конце своей жизни он оглянулся назад и сказал с великой тоской:

«Во многой мудрости много печали, и кто умножает познания, тот умножает скорбь. И возвратится прах в землю, чем он был; а дух возвратится к Богу, Который дал его. Суета сует, все — суета!»

«Что дела твои, если некому будет привести тебя посмотреть на плоды их, когда ты умрешь?» — так говорит царь, что надел на закате дней своих рубище и назвался Екклесиастом, то есть Пророком.

Всю жизнь мудрый царь постигал мир своей мудростью. И понял он на пороге смерти, что нет ничего нового под солнцем. И что было прежде, то и теперь, и что теперь, то и будет впредь. Мир ходит по кругу.

Солнце встает на Востоке и заходит на Западе, чтобы снова взойти на Востоке. Ветер идет к Югу, а переходит к Северу. Он мчит по кругу и заходит на прежний круг. Реки текут в море, но море не переполняется, потому что возвращаются воды к источникам рек. Суета сует, все — суета!

Безысходность повторения. Замкнутый круг. Если нет смысла, разве может сыскаться выход?

«Как ты вышел нагим из утробы матери своей, таким и отойдешь, ничего не взяв от труда своего», — говорит Екклесиаст, и слезы льются из выцветших, старческих глаз его. Не с надеждою, но с болью отзываются в сердце слова Пророка — «Все проходит!».

Какая разница между мудростью и глупостью, если всех ждет один конец? Есть ли разница между богатством и бедностью, если все тлен и суета сует? И что такое веселье и горести, если все проходит? И какая разница между добром и злом, если все дела человека — только беспокойство и томление духа? Суета сует, все — суета!

Кто видит различия — еще просто слеп. Но разве не померкнет его разум, когда он прозреет?

Всему свое время. Время рождаться и время умирать. Время разбрасывать камни и время собирать их. Время обнимать и время уклоняться от объятий. Время искать и время терять. Время сберечь и время бросать.

Все движется в одном направлении — все произошло из праха, и все возвратится в прах. Как ты не знаешь путей ветра и того, как образуются кости во чреве беременной, так не можешь ты знать дело Бога,

Который делает все. Суета сует, все — суета!

Нет свободы, кроме как в заблуждении. Но разве заблуждение — это свобода?

«Слезы угнетенных — вот дела мира, — говорит Екклесиаст. — И нет утешителя на них, а угнетающих — тьма! Блаженны мертвые. Они счастливее живых. Но блаженнее их всех — те, что еще не родились и не видели злых дел, какие делаются под солнцем».

Лучше ходить в дом плача об умершем, нежели ходить в дом пира, ибо таков конец всякого человека. Сетование лучше смеха, потому что при печали сердце делается лучше. Суета сует, все — суета!

Сердце мудрых в доме плача, а сердца глупых — в доме веселья. Но что тогда мир?

Лучше горсть с покоем, чем пригоршни с трудом и томлением духа. Человек одинокий, и другого нет. И глаз его не насытится богатством. Для кого же он трудится и лишает душу свою блага?

И есть у Пророка лишь один ответ на сотни вопросов:

«Двоим лучше, нежели одному — если упадет один, то другой поднимет его. Если лежат двое, то тепло им; а одному как согреться? И если придет напасть, то двое устоят против нее. И нитка, втрое скрученная, не скоро порвется».

Доколе не померкли солнце и свет, луна и звезды, и не нашли новые тучи вслед за дождем, мы ищем человека. Но знаем ли мы, что значит искать его?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Потертая тетрадка в клетку — 96 листов.

Наверху первой страницы написано:

«Схема устройства Вселенной».

Под этой надписью рисунок.

В центре большая черная точка, словно клякса, — круг с неровными, рваными краями.

Дальше — космические объекты.

Галактики похожи на тараканов, схлестнувшихся в неравной битве с тапком: скопление вещества, а вокруг ножки, усики, потроха.

Пунктирными линиями изображены вихревые потоки, напоминающие вытянутых гусениц.

Между отдельными точками на рисунке проведены линии.

Если смотреть только на эти линии, то видишь странную пиктограмму — нечто среднее между арабской вязью, китайским иероглифом и каббалистическим знаком.

Внизу страницы подпись: «Линии могут быть проведены так, и только так».

Я — Дмитрий. Но все зовут меня Митей. Митя мне нравится больше. У Мити покладистый характер и много умных мыслей. Дмитрий — дурак. Он тупо смотрит в небо, ничего не хочет делать и ни с кем не разговаривает. Поскольку общается с окружающими только Митя, то Дмитрием меня никто не называет. Дмитрий — самый одинокий человек на этой планете.

Скоро мне исполнится двадцать три года, пять из которых я болею шизофренией. Шизофрения — это болезнь. Так мне объяснили доктора. Когда я принимаю выписанные мне таблетки, я с ними согласен. Когда перестая принимать, то не согласен. Поэтому я называю свои лекарства «волшебными горошками». Волшебными — потому что они влияют на мои мысли, а горошками — потому что они круглые.

Шизофрения — это «раздвоение личности». так, по крайней мере, говорят. Хотя я думаю, что это никакое не раздвоение. Может быть, размножение, когда много-много личностей вместо одной?.. Но точно не раздвоение, потому что личность у меня одна. Бывает, что я вижу много других «личностей», которых другие люди почему-то не замечают или не хотят замечать. Наверное, в этом и есть моя шизофрения.

Когда я не принимаю свои волшебные горошки и вижу этих «невидимых» людей, я много думаю и многое понимаю. Например, как устроена Вселенная, какие силы в ней действуют и когда она погибнет. Или почему люди ведут себя именно так, как они себя ведут (с горошками я этого не понимаю). Еще мне может открыться тайна любого предмета и его связь с другими вещами.

Я закончил физический факультет. Я — физик. Физики — это люди с хорошим чувством юмора. Но у меня нет чувства юмора. Точнее, мне говорят, что у меня нет чувства юмора. Лично я так не думаю. Люди смеются, когда смотрят фильмы Чарли Чаплина, особенно, когда кто-то из героев фильма падает или получает пощечину. Мне не смешно. Я плачу. Поэтому у них есть чувство юмора, а у меня нет.

Но я умею смеяться, и мне часто бывает очень весело. Например, мне смешно, когда кто-то пытается общаться с Дмитрием. Это смешно, потому что Дмитрий ни с кем не разговаривает. Мне смешно, когда кто-то говорит, что Конца света не будет, потому что если у чего-то есть начало, то у него есть и конец. Мне смешно, что мои умные мысли называют бредом, а мои глупые мысли называют «хорошими». Я думаю, у меня есть чувство юмора. Я — физик.

Физики верят, что цифры говорят больше слов. Словами о Вселенной не расскажешь, а цифры, напротив, все в ней объясняют. Вообще, мы видим только цифры. Люди привыкли думать, что видят

предметы, но на самом деле — это только цифры. Если ты понимаешь, что вокруг тебя только цифры, можешь увидеть взаимосвязь всего со всем. И это Вселенная. Если ты видишь не цифры, а предметы, то ты никогда не узнаешь Вселенной.

Я вижу цифры, и только цифры. Я вижу их во всем, я вижу только их — цифры. Поэтому я знаю, как устроена Вселенная. Я знаю ее формулу. Эта формула открыла мне принципы жизни и смерти. Формула и принципы — это система.

Я знаю ее. Это мое открытие, мое знание. Тот, кто имеет знание, — имеет все. Но я принимаю волшебные горошки и потому не могу воспользоваться своим знанием.

Это все, что я хотел записать в свой дневник о себе самом. Я делаю это, потому что у меня есть план. С этого дня я перестану принимать лекарства. До свидания, волшебные горошки! Мне нужно освободиться от вас, чтобы воспользоваться своим знанием. Я хочу остановить смерть Вселенной. Об этом уже знают. За мной началась слезка. *Они* хотят уничтожить мою личность и помешать мне спасти Вселенную.

Я записал все это о себе самом, чтобы узнать себя, если *они* все-таки смогут уничтожить мою личность.

День первый

О том, что за мной установлена слезка, я начал догадываться три дня назад. После института я год пролежал в психиатрической больнице. Так что ни в какое приличное заведение меня на работу уже не брали. Физиком я работать не могу. Вот и устроился в фирму, которая занимается доставкой почты, курьером.

Когда работаешь на почте, многое начинаешь понимать. Кому и зачем сейчас пишут люди? Это даже странно. Есть телефон, есть Интернет, электронная почта — весь мир, словно кокон с гусеницей, внутри укутан в эти невидимые нити. Они вокруг, они пронизывают все окружающее пространство — кабели, серверы, передатчики, волны. Кто сказал, что гусеницы всегда превращаются в бабочек?..

Информационная цивилизация — это мы, у нас вместо чувств — чипы и файлы. Не жизнь, а информация о жизни. Все это скоро с грохотом навернется.

Когда через нашу контору пересылают документы или посылки — это я могу понять. Потому что по-другому никак, только почтой. Но зачем люди пишут друг другу письма? Ведь они могут позвонить, отправить письмо по электронной почте... Иногда мне кажется, что они пишут их сами себе, чтобы не чувствовать себя совсем одинокими.

Все люди одиноки. Все, с кем я сталкивался, были такими. Они пытаются убедить себя в обратном, но это неправда.

Они просто привыкли к своему одиночеству и перестали его замечать. Что можно сказать о человеке, который, встречаясь со своим знакомым, спрашивает: «Как твои дела?», и, не дождавшись его ответа, начинает рассказывать про свои? Я думаю, что такой человек одинок.

Если со своими делами тебе интереснее, чем с другими людьми, ты безнадежно одинок. Сейчас все заняты только «своими делами».

Полгода назад я доставил письмо по одному адресу. Оно сразу же показалось мне подозрительным. Открыла дверь девушка со странным ожерельем на шее. Это что-то значило. Но тогда я принимал свои волшебные горошки, и был чем-то вроде собаки — все смутно понимаешь, а толку никакого. Короче, я не знал, что именно все это значит, но то, что что-то значит, не сомневался.

— Пишут? — спросил я девушку, пока она расписывалась на бланке в графе «подпись получателя».

Она посмотрела на меня так, словно обо всем догадалась: «Да этот парень в курсе!»

— Пишут, — ответила она и загадочно улыбнулась.

— А зачем? — нельзя было дать ей ускользнуть, соскочить с темы.

— Наверное, считают это важным, — она снова улыбнулась и посмотрела на меня еще внимательнее.

— Знаете, я тоже так думаю! — я подмигнул ей, и она засмеялась.

Я попал в цель!

— Как зовут? — спросила она.

— Митя, — ответил я. — А тебя?

— Даша.

— Хорошо, Даша. Было приятно с тобой поболтать. Предлагаю продолжить знакомство.

Она снова засмеялась и любезно согласилась. Мы начали встречаться.

Даша особенная. У нее абсолютно белая кожа и почти черные глаза. Волосы она не причесывает, любит растрепанные. Она — студентка. Вечная. Уже дважды переводилась из института в институт с потерей курса, и еще полтора года провела в академке. Студенческая жизнь ей нравится. Работать она не хочет.

— И что твоя работа? — она спрашивает, не глядя на меня, протягивая каждое слово, словно ее тошнит. — Ходишь, как лох какой-то по квартирам. Скукота...

Мне не интересно ее мнение о моей работе. Мне не интересна моя работа. Тем более, мне неинтересно ее мнение о моей работе. Мне интересно, что было в том письме. Я никогда не читаю почты, которую разношу. Читать чужую почту нехорошо. Поэтому Даша сама должна рассказать мне об этом письме. Для

этого я с ней сплю.

Я не понимаю, зачем нужен секс. Говорят, что он приносит людям удовольствие. Не знаю. Мне кажется, что это просто самогипноз. Люди хотят почувствовать себя счастливыми и не могут, а поэтому придумывают себе всякие «удовольствия».

Главным выбрали секс. Все удовольствия можно купить. Секс тоже можно купить. Но это особый случай. Люди хотят, чтобы их хотели без денег. Поэтому и выбрали секс. С удовольствием всегда так — чем больше препятствий и проблем, тем больше удовольствие.

Впрочем, если у человека сколько угодно секса или нет совсем, или нет такого, какого он хочет, у него начинается депрессия (депрессия — это отсутствие удовольствия). А значит, секс — удовольствие выдуманное.

Весь секс — это мифы о сексе. Много мифов. Мифы о том, что это приятно, что секс делает человека счастливым, приносит радость, сближает людей. Еще говорят, что это лучшая разрядка. «Секс полезен для здоровья!»

На самом деле секс — это мечта о несбыточном счастье. Сам секс, конечно, возможен — дурное дело не хитрое, но он не приносит ожидаемого счастья. Он только щекочет людям нервы, обещает блаженство, дразнит. Но не дает.

Секс — гимнастические упражнения. Тела сплетаются, словно дерущиеся друг с другом тараканы. Они пыhtят, сопят, трутся друг о друга, а главное — тыкаются разными своими частями.

И все для того, чтобы сбросить напряжение, которое и возникло-то лишь из-за мыслей и мечтаний о сексе. Замкнутый круг — подумал, помечтал, напрягся и пошел «сбрасывать». Все мазохисты.

Об удовольствии от секса только говорят, а если приглядеться — это крик, стоны и обиды. Секс — это основной повод для обид между людьми.

Я сплю с Дашей. Я сплю с ней так же, как и со всеми, с кем спал до нее. Я не кончаю. Я могу заниматься этим сколько угодно, но никогда не кончу. У меня бывают ночные поллюции, когда семя само вытекает из члена. Но и только.

Наверное, я похож на женщину, которая никогда не испытывала оргазма. Мы — я и эти женщины — занимаемся сексом или из жалости, или от безысходности, или просто, чтобы убить время.

Даше нравится, что я не кончаю. До этого у нее был парень, который кончал за минуту. Она только успевала устроиться, а он уже говорил ей: «Спасибо...» (что означало — отваливай).

— Он мною пользовался... — печально говорит Даша.

«Теперь ты мною пользуешься, — думаю я, и продолжаю думать дальше: — Но ведь я разрешаю тебе мною пользоваться. Мне нужно узнать содержание твоего письма. Тебе тоже что-то было нужно от этого парня. Иначе зачем ты с ним встречалась? Все друг другом пользуются. Такой мир. Кто сказал, что гусеница всегда превращается в бабочку?..»

Еще к сексу приплетают любовь. Я не знаю, как они связаны. Любовь — это когда ты чувствуешь другую душу. А влечение — это влечение. Просто потребность, как голод. Некоторые получают от еды не меньше удовольствия, чем от секса. Но этого я тоже не понимаю.

Я точно знаю, что за мной начали следить.

Три дня назад я зашел к Даше. Мы сидели у нее в комнате. Язык — это эрогенная зона Даши. Эрогенная зона — это часть тела, с которой у людей подсудно связаны все их мысли о сексе.

У каждого человека есть своя эрогенная зона, у кого-то прямо «там» — в области гениталий, у кого-то — губы, мочка уха, внутренняя поверхность бедер. Это место локализации их эротического «Я».

Некоторые шутят, говорят: «Моя эрогенная зона — мозг». Эти — самые несчастные. Восторга от секса они не испытывают. Но втайне мечтают, что где-то есть такой секс, который был бы для них абсолютным счастьем. Там хорошо, где их нет. Таким людям не хватает «идеального партнера».

Если спросить их об идеальном партнере: «А какая должны быть внешность?», то рассказ — с нюансами и подробностями — растянется на два часа. На самом деле, вся эта «привередливость» — только для самозащиты. Эти мозголюбы боятся столкновения с сексом. Они не могут отдаться своему чувству, испытывают ужас, боясь потерять себя в физиологической разрядке. Вот они и шутят: «Моя эрогенная зона — мозг».

Дашу мои мозги не интересуют. Я даже думаю, ей кажется, что у меня их вообще нет.

Сегодня, когда мы сидели у нее в комнате на ее старом обшарпанном диване, она засовывала мне язык в ухо. Вообще, не только засовывала, она еще облизывала мое ухо, сосала его мочку, словно леденец, ну и, конечно, засовывала кончик языка в слуховой проход.

Язык — это ее эрогенная зона. Я терпел и думал: если бы ее язык был длиннее, то она бы просунула его и внутрь моей черепной коробки. Да, мой мозг способен порадовать ее только шершавостью своих

извилин. Шершавостью на язык. Ее язык тоже похож на гусеницу. Кто сказал, что гусеница всегда превращается в бабочку?..

Потом Даша все-таки захотела секса, и нам пришлось покинуть квартиру. Там была мама, а когда мама дома, Даша не может заниматься сексом.

— Куда вы собрались? — спросила Дашина мама, когда мы одевались в прихожей.

Я напрягся.

— Да так, прогуляемся... — ответила Даша.

— И где будете прогуливаться? — снова спросила Дашина мама.

Я напрягся еще больше. Ее мама с *ними*. Точно! Ведь сейчас уже не используют бигуди. Зачем она накрутила их на голову?! Нет, это не случайно. Антенны! Она получает от *них* задания. Черт!

— Да ладно, мам... — Даша, казалось, не хотела ей отвечать.

Ты позвонишь? — мама настаивала.

— Позвоню, — бросила Даша, когда мы уже переступали порог.

Они и Дату завербовали! Теперь все. Нужно держать ухо востро.

События последующих Двух дней подтвердили мои самые худшие предположения.

Я пытался установить систему. Мне нужно было понять, чем агенты, приставленные ко мне, могут выдать себя. Любая внутренняя функция должна иметь внешние проявления. Если человек работает на *них*, то у него должны быть какие-то особенные черты.

Я перебирал сотни вариантов. Шел по улицам, приглядывался, прислушивался.

Я замечал на себе подозрительные взгляды, а часто — деланное безразличие. Человек только изображает, что ему нет до меня никакого дела. Но он выглядит настолько фальшиво и вычурно, что сам себя выдает.

Сначала мне казалось, что у всех у агентов особенный блеск в глазах (такой тусклый, но мерцающий). Потом, правда, я встретил слепого. То, что он агент, я не сомневался. Может быть, он только притворился слепым? Нет, блеск в глазах не подходит.

Тогда я заметил, что у всех агентов на голове что-то надето — шапки, кепки, бейсболки, платки. Но потом я покупал проездной в кассе метро — женщина-кассир была агентом. Но у нее на голове ничего не было. Я потом долго думал, ведь у нее мог быть парик. Хотел вернуться, чтобы проверить. Но в конце концов решил, что иду по ложному следу.

Сегодня я наконец все понял. Все встало на свои места. Прежние версии были ложными. В облике следящих за мной агентов всегда есть что-то «неправильное». Либо физический недостаток — например, родинка на носу или глаз косит; либо «брак» в одежде — например, у человека коричневое пальто и синяя сумка или туфли на шпильках и лиловый шарф.

Агенты переговариваются у меня за спиной — в транспорте, на улицах, в офисе моей конторы. Я слышу, что они говорят обо мне. Например: «Ты посмотри на него, какой урод! Как он может знать, что Вселенная скоро погибнет? Он же дефективный!» И тому подобные гадости, больше перечислять не буду.

Я оборачиваюсь и смотрю на них, но они тут же делают вид, что говорят о совершенно посторонних вещах — о погоде, о покупках, о своих родственниках.

Пока я не знаю главного. Они уже разгадали мой план или еще нет?

День второй

Сегодня самый ужасный День моей жизни. Пытаюсь все записывать подробно, чтобы не сбиться и ничего не упустить.

С утра мама заглянула ко мне в комнату: — Митя, что ты будешь на завтрак? Я сразу понял, что и ее завербовали. *Они* зомбируют всех, с кем я могу хоть как-то войти в контакт. Конечно, *они* должны были сделать это и с моей матерью.

Я вышел в кухню и пригляделся к тому, как она нарезает хлеб. Нож в ее руке ходил не как обычно. Обычно мама режет хлеб по верхней поверхности, как будто распиливает бревно на козлах. А эта женщина резала хлеб с краю, по боковой поверхности.

Черт! *Они* не стали ее вербовать, *они* просто ее украли и подменили агентом! Как ужасно осознавать, что так могли обойтись с твоей матерью...

Ситуация вокруг меня становится все более и более напряженной. Еще вчера я не был уверен во всем с такой определенностью, как сегодня. Еще вчера во мне оставались сомнения. Мне казалось, что все поправимо, и мне не смогут помешать. Теперь я так уже не думаю.

От напряжения я превратился в соляной столб. Тревога бьет меня изнутри. И если я не справлюсь с этими толчками, столб даст трещину и разрушится. Я утешаю себя мыслью, что все расчеты уже закончены.

И когда я узнаю содержание письма, хранящегося у Даши, можно будет приступить к делу.

Эти расчеты — пять лет моей жизни. В эпитафии одного из институтских учебных пособий были вынесены слова Альберта Эйнштейна: «Бог не играет в кости». Тогда я сразу подумал, что этот эпитафия сделан специально для меня. Пособие было посвящено «эффекту бабочки». Оно стало моей настольной книгой.

«Бог не играет в кости». В природе действуют непреложные законы. Все подчинено одним и тем же правилам. Неисчислимая масса вещества, начиная с момента Большого взрыва, вплоть до этой минуты продолжает разлетаться по всей Вселенной. Это растёт сама Вселенная. Растёт как дрожжевой гриб, расширяется, заполняет пустоту.

И в каждой ее точке действуют одни и те же законы. Вот магия науки! Зная законы Вселенной здесь на планете Земля, ты знаешь, как поведет себя материя в другой, самой удаленной части мироздания. Ты уподобляешься Творцу. По сути, ты — сам Творец. Законы природы — то чудо, которое несет в себе любой физик.

Но есть проблема. Ее имя — нелинейность. И это понял метеоролог Лоренц, который и открыл «эффект бабочки». То, что хорошо на бумаге, не так хорошо в реальном мире. Мы можем все высчитать и все просчитать, но Вселенная слушает себя, а не наши расчеты. А в ней все со всем связано, все на все влияет и при этом постоянно меняется. Мы бессильны перед величием ее хаоса.

Ей наплевать на наши вычислительные машины, которые производят миллионы операций в секунду и способны учесть в своем решении сотни тысяч переменных. Она так величественна, что Бога, я думаю, разбирает смех, когда Он смотрит на усилия научного интеллекта. Во Вселенной нет ничего случайного, но и предсказуемости в ней тоже нет.

Я стал заниматься теорией хаоса на втором курсе института. Потому что хаос — это истинный закон мира. Хаос — это порядок, который мы неспособны понять. Это истинный порядок.

Если взять калькулятор и разделить на нем 100 на 3, то мы получим 33,33333333. Правильный ответ? Теперь умножим это число обратно на 3. Должно получиться 100. А получается — 99,99999999. 100 нельзя разделить на 3. Ответ всегда будет неправильным. Что такое «и три в периоде»? Ничто! Мы округляем, создаем погрешности. Нам кажется, что это мелочь. Подумаешь, девятый знак после запятой...

Мы пренебрегаем «мелочью». Но погрешности и кажущиеся случайности множатся. В системе лавинообразно растет количество ошибок. И то, что представляется нам красивым решением, ясным, как белый день, расчетом на бумаге, в действительности — фикция, ерунда, блеф! Там, где по нашим расчетам должна быть четкая прямая, Вселенная рисует бесконечно извилистую кривую, напоминающую крылья летящей бабочки.

Не было гвоздя — подкова пропала, Не было подковы — лошадь захромала, Лошадь захромала — командир убит, Конница разбита, армия бежит, Враг вступает в город, пленных не щадя, Оттого что в кузнице не было гвоздя! Неучтенная нами мелочь, гвоздь в кузнице может привести к фатальному результату. Это понял метеоролог Лоренц, незадачливый предсказатель погоды: сегодня бабочка трепещет своими крыльями в Пекине, а через месяц это вызовет ураган в Нью-Йорке. Эффект бабочки...

Логика хаоса долго оставалась для меня абсолютной загадкой. Пока наконец я не нашел ошибку всех физиков. Они не учитывают «человеческий фактор». Психическая энергия — это точно такая энергия, как и энергия физических явлений. Энергия, которой пренебрегают в расчетах, считая ее несущественной.

Агрессия, гнев, страх, отчаяние — все это силы, которые действуют и оказывают влияние на жизнь Вселенной. Отрицательные эмоции — это масса энергии. Хотя по сравнению с энергией Вселенной, это, конечно, мелочь. Но и трепетание крыльев бабочки в Пекине может вызвать ураган в Нью-Йорке.

В принципе, от поступка, даже просто от мысли одного человека — меня — Вселенная может или погибнуть, или воскреснуть после своей гибели. Только нужно найти правильный момент, четко высчитать точку приложения силы. А если соединить всю психическую энергию человечества, попадание будет стопроцентным.

Правильный момент, правильная точка приложения силы моего поступка — возникает «принцип домино». Психическая энергия всего человечества аккумулируется. Если и это происходит в нужное время и в правильном месте, гибель всей Вселенной просто неизбежна. Бабочка взмахнет крыльями и исчезнет...

Я хочу, чтобы Вселенная погибла. Это путь ко второму Большому взрыву, к ее новому рождению, к новому Началу Времен. Она — великий умирающий и воскресающий Бог. Вселенский принцип. А я не Герострат, я — Бог-Отец, приносящий в жертву своего Сына во имя спасения всего человечества, больше того — всей Вселенной.

Письмо, хранящееся у Даши — это ключ к моей формуле. Когда я введу его параметры в систему, она начнет предлагать мне — одну за одной — точки приложения силы.

Мне достаточно будет сказать определенному человеку определенное слово, и это вызовет цепную реакцию. Этот человек, получив мой заряд, многократно усилив его силой своей эмоции, передаст этот импульс другим. Дальше эта волна будет разрастаться, начнутся резонансные явления и... Новое рождение

Вселенной.

Я набрал Дашин телефон.

— Может, сходим куда? — спрашивает она. Мне не хочется никуда идти — письмо-то у нее дома. Но спорить нельзя.

— Давай сходим, — отвечаю я. — Куда?

— Вечно ты — «куда?», «куда?»! — раздалось в трубке. — Никуда!

Почему она так агрессивно настроена? Неужели *они* уже и на нее вышли!

— Ладно, — Даша смягчилась. — Чего молчишь? Пойдем в клуб...

Мы встретились у метро, как обычно. Я сразу заметил, что Даша напряжена. Пальто запахнула. Руки скрестила на груди. На меня почти не смотрит. Возможно *они* на нее давят. Может быть, уже спрашивали о письме, засылали *своих* агентов... А вдруг ее пытали?!

Внутри моей головы сами собой возникают чудовищные картины: кровавые сцены жестоких пыток, стоны от нестерпимых страданий. Я начинаю считывать данные с параллельных информационных потоков. Совершенно точно — Дашу пытали. Но ведь она ничего не знает обо мне. Она не могла меня выдать.

Я беру себя в руки. Пытаюсь сосредоточиться. *Они* могли установить на ней передающие устройства.

— Подержи сумочку, — говорит она пред тем, как снять пальто в гардеробе клуба.

Говорит спокойно, как будто невзначай, словно просит меня о какой-то совершенно невинной вещи. Я беру ее сумочку в руки и понимаю — передатчик здесь. Странный излом металлической молнии... Все точно, они снабдили ее специально аппаратурой. Что делать?!

— Что ты в нее так вцепился? — Даша забирает у меня свою сумочку.

Гардеробщица принимает мою куртку, и я замечаю, что она мне подмигивает. Что это значит? Она хочет мне что-то сказать?

Я получаю номерок, на нем код — «43А»: 43 — это 7, потому что если сложить 4 и 3, то получится 7. Но почему 7А? «А» — это первая буква алфавита, символ начала. Семь начал... Семь начал конца света?!

Семь Ангелов в Апокалипсисе приходят на землю, чтобы уничтожить мир греха: «Имеющий ухо, да услышит!» Семью смертными грехами — гордостью, алчностью, похотью, гневом, чревоугодием, завистью, ленью — поражено современное человечество. И семь кругов Чистилища ведут из Ада в Рай...

Мне дали подсказку! Я вернулся на пару шагов назад и подмигнул гардеробщице. Слава богу, я не один! Мне посылают помощников!

Мы с Дашей идем вниз — этот клуб расположен в полуподвальном помещении. Темно. Окон нет. Гремит музыка. Гвалт пьяных голосов. Сверкают вспышки прожекторов. Люди беснуются в центре зала. Суший ад.

Контингент обычный — молодые люди. За их «наплевать» скрыты все семь смертных грехов. Они только делают вид, что им на все наплевать. Это такая гордость: «Да, денег у нас нет, да, будущего у нас нет, да, мы несчастны, но нам на все это наплевать!» А на самом деле, они отчаянно хотят денег.

Деньги — это их счастье: жрачка и секс. Чревоугодие и похоть. Все, о чем бы они ни говорили, сводится к деньгам. А деньги — к жрачке и сексу. Это — алчность. Их зависть к детям «богатых и знаменитых» язвительна. Они ненавидят всех, кто может удовлетворить любую свою фантазию. Их фантазия — чревоугодие и похоть.

Они ненавидят своих бедных родителей за то, что они бедные. Они ненавидят своих учителей, которые говорят им, что не в деньгах счастье. Они ненавидят своих друзей, которые не могут дать им денег. Они ненавидят сами себя за то, что у них их нет. Чаша гнева этих заблудших душ переполнена. Но они не хотят работать и зарабатывать. Деньги должны упасть им в руки. Лень.

Деньги — замкнутый круг. Без денег нет счастья, потому что деньги — это «можно», а их отсутствие — «нельзя». Но деньги не приносят счастья, потому что они делают человека зависимым. Страх разорения — это зависимость. Состоятельный человек боится разорения больше смерти. Деньги — это свобода и порабощение. Наличие денег — это, в сущности, то же самое, что их отсутствие.

Пробравшись через ряды танцующих, мы подошли к столикам.

— Даша, хелло! — приветствует нас Дашина компания.

Я с ними не знаком. Даша «на публике» представляет Дмитрия, а Дмитрий ни с кем не разговаривает. Это никого не удивляет. Трудно удивляться, если ты вечно пьян, или под кайфом, или не выходишь из хронического депрессняка.

В такие моменты я начинаю понимать Дмитрия. Одиночество не всегда так плохо, как о нем говорят. А гусенице иногда лучше и не превращаться в бабочку...

— Даш, знаешь, Витька Серов умер от пере-доза, — лохматый парень отрывает голову от столешницы и пустыми глазами смотрит на Дашу.

— Знаю, — отвечает она и отворачивается. Очень странно — они говорят о смерти так

буднично, словно бы у них нет души. Я начинаю инстинктивно приглядываться к этим людям — знакомым Даши. Девушки, парни. Всем чуть больше двадцати. Все агенты. Даша делает вид, что ей с ними прикольно, но на самом деле это только игра. Они ее пасут. Она знает это.

Как они становятся агентами? Их покупают? Этих легко купить. Раньше дети играли в такую игру, они спрашивали друг друга: «А за какие деньги ты бы съел кашку?» И отвечали — за миллион, за сто миллионов, за сто миллионов миллионов. Сейчас дети не играют в такие игры. И так понятно, что все продается и все покупается. Дешево.

«Деньги — это все!» Все, что им может быть нужно, действительно можно купить деньгами. Эти бы и душу продали, если бы она у них была... Точно, у них нет душ! А если нет души, то человека легко сделать агентом. Человек без души — это компьютер. Какую программу в него заложишь, такая и будет работать.

Задник сцены этого клуба — большой экран. Там демонстрируют показы мод — «весна-лето», «осень-зима». Fashion-TV.

Телевидение — способ зомбирования. Все эти люди смотрят модные показы, то есть просто за движением людей. Как зомби. Бессмыслица. Все они смотрят музыкальные клипы, а смысл в них отсутствует. Имитация смысла. Это могут делать только зомби.

Они смотрят телевизионные ток-шоу — говорящие головы, которые, на самом деле, ничего не говорят. Они смотрят фильмы, содержание которых всегда одинаково. Как можно это смотреть?! Но ведь они смотрят... Значит, у них нет души. Они — зомби.

Я прислушался к музыке. Звучала какая-то попсовая песня. Рефреном повторялись слова «черно-белый цвет». Как такое может быть? Как цвет может быть «черно-белым»? Или черный, или белый. Черно-белый цвет — это серый. Но серый — это серый. Это не черно-белый.

И тут я начинаю понимать. Эту песню крутят специально для меня. Это математическая задача. С точки зрения ньютоновской физики, черно-белый цвет невозможен в принципе, но для ядерной физики это возможно. Просто нужно знать принцип дополнительности Нильса Бора.

Бор доказал, что невозможное возможно, что свет — это одновременно и частицы света, и световая волна. Мы не можем это представить, но такова правда и сакральная тайна Вселенной. То, что кажется твердым, — только кажется твердым.

Любой предмет состоит из элементарных частиц, но каждая такая частица — это еще и волна бесконечной протяженности. Волна, находящаяся одновременно во всех концах Вселенной. Лишь сконцентрированная в данной точке. И это не фантазия — это научный факт! Достаточно провести простое голографическое исследование.

С помощью специальной съемки мы переносим изображение обычного стула на фотопластинку.

(Книга из электронной библиотеки неПУТЬёвого сайта <http://ki-moscow.narod.ru>)

Получатся полосы и пятна. Ничего общего с реальным стулом. Теперь ставим эту пластинку под луч лазера и видим, как рядом возникает трехмерная голограмма этого стула.

А теперь разобьем эту пластинку на маленькие кусочки, и пропустим луч лазера через один из них. Что мы получим в результате? Перед нами снова возникнет полное, точное изображение целого стула!

Кусок твердого предмета — кусок твердого предмета. Но он не твердый, он — волна. Маленькая частица волны — это вся волна. Я, находящийся в этом клубе, на самом деле присутствую сейчас во всех частях Вселенной!

«Бор! Бор! Бор!» — сотни голосов внутри моей головы стали вдруг на все лады повторять это имя.

«Черно-белый цвет!» — звучало вокруг, толпа танцующих хором выкрикивала слова звучащей для меня песни.

Вот! Как же я сразу не сообразил! Бор специально ездил в Китай. Он изучал китайскую философию и понял, что она полностью соответствует его научным теориям. Получая дворянский титул, он попросил, чтобы на его гербе был знак Дао. И надпись — «Contraria sunt complementa» — «Противоположности дополняют друг друга».

Да, все точно! Черно-белый цвет — это принцип Дао! Инь и Ян — черное и белое, две противоположные силы, создающие Вселенную. Созидание и разрушение, смерть и рождение — вот, что такое Дао. Дао означает «Путь», символ бесконечного движения и изменений. Рожденное должно умереть, умершее — воскреснет. Это мой план!

«Тому, кто подчиняется течению Дао, следуя естественным процессам Неба и Земли, не сложно управлять всем Миром», — так говорил Лао-цзы.

Молодой человек, послышалось сзади. Я обернулся. Худой, длинный — под два метра — мужчина. Лет сорок, сорок пять. Весь в коричневом — с головы до ног. Костюм коричневый, рубашка коричневая,

галстук коричневый, ботинки коричневые и фетровая шляпа-котелок тоже коричневая.

— Вы меня? — спросил я.

— Да, — ответил долговязый, продолжая смотреть на меня в упор.

— Чего вы хотите? — у меня по спине пробежал холодок.

— А чего вы хотите? — ни один мускул не дрогнул на его лице.

— Ничего, — мне стало совсем не по себе.

— Неправда.

— Правда! — заорал я.

— Вам разве не нужна помощь? — спросил незнакомец и странным образом вытянул шею. Мне показалось, что она у него пластилиновая.

— Нет!

— И вас не беспокоит передатчик в сумке вашей спутницы? — его голова придвинулась ко мне еще ближе, я почувствовал его дыхание прямо возле своего уха.

— А вы откуда знаете про передатчик? — я остолбенел.

— Я бы советовал вам избавиться от него, — незнакомец едва заметно улыбнулся. — И чем скорее, тем лучше.

— Как?!

— Выкрасть.

— Нет, я не краду чужие вещи!

— Что значит «я»? — незнакомец изобразил на своем лице недоумение. — Все относительно, мой друг. Вы же читали Альберта Эйнштейна...

В растерянности я оглянулся. Я искал глазами Дашу. Рядом ее не оказалось, а в толпе танцующих лиц почти не было видно. И только я решил, спросить у этого странного субъекта, откуда он столько обо мне знает, как понял — его рядом нет.

Его действительно нигде не было. В моем мозгу судорожно забились мысли: «Нужно что-то немедленно предпринять. Нужно что-то немедленно предпринять. Нужно что-то немедленно предпринять...»

Даша оставила свою сумочку на стуле и, видимо, отправилась бесноваться со своими приятелями. Я сел на свое место. Меня буквально трясло от дрожи. Дашина сумочка магнетически притягивала взгляд. Я пытался справиться со своей паникой.

«Митя, это нехорошо. Митя, воровать нехорошо. Митя, ты не должен этого делать. Митя, ты не имеешь права. Митя, ничто не заставит тебя сделать это».

Я убеждал себя в том, что все еще наладится. Что сейчас закончится очередная песня, Даша вернется к столику. Я уговорю ее пойти домой — к ней. Там попрошу, чтобы она дала мне то письмо. Я скажу, что это очень важно. Или нет, что это совсем неважно, просто...

Как я оказался в мужском туалете, я не помню. Помню только, как рвал Дашину сумочку на куски. В моих руках появилась невиданная сила. Я сам себе не принадлежал. Словно бы что-то вселилось в меня, что-то огромное и безумно властное.

Я рвал эту проклятую сумочку в клочья, ломал, находящиеся в ней вещи. Все это с грохотом летело в унитаз. А я спускал и спускал воду. Наконец, сток забился окончательно, и вода полилась через край. Конечно.

Я вышел из кабинки.

— Вот видишь, это вовсе не так сложно, как кажется, — высокий, как жердь, незнакомец стоял прямо передо мной, посреди туалета, и приторно улыбался. — Верь мне, и у тебя все получится. Все относительно, друг мой. Все относительно.

— Оставьте меня! Оставьте!

Хлопнув дверцей туалетной кабинки, я бросился к двери. Прочь, прочь из этого кафельно-керамического ада! А он — этот гнусный коричневый тип, все хохотал и хохотал мне вслед, выгибаясь, словно коричневая змея, всем своим длинным тощим телом.

Через пару секунд я был на месте. Даша как раз подходила к столику.

— Пойдем! Пойдем! — орал я. — Мы должны уходить! Нам надо отсюда уйти!

— Что с тобой? Ты что, спятил! — она не понимала, в каком отчаянном положении мы оказались.

— Даша! Мы должны бежать!

— Ты с ума сошел, — процедила она (ненавижу, когда мне это говорят). — Ладно, подожди, сейчас возьму свою сумочку...

Даша стала ее искать и, конечно же, не нашла. Помню, как она кричала: «Кто спер сумку, суки?! Кто?!» Началась потасовка. Дашины приятели стали хватать всех, кто проходил рядом. Завязалась потасовка. В ход пошли пивные бутылки.

Звуки ударов, шум, крики. Паника. Мне еле-еле удалось вытащить Дашу из этого ужаса. Мы оказались

на улице.

К этому моменту я уже отдал свой номерок... Мой жетон — «7А». Я отдал свой номерок! Я бы не отдал. Ни за что. Но Дашин со стремительной скоростью двигался сейчас по канализационным трубам. Она не хотела выходить из здания без одежды.

Там холодно! Там холодно! — кричала она, когда я выпихивал ее в дверь.

Мне пришлось отдать номерок, чтобы одеть Дашу в свою куртку.

Долговязый стоял на выходе из клуба.

— Тесс... — заговорщицки прошипел он, держа указательный палец у своих губ.

Потом он погрозил мне этим же пальцем — не то укоризненно, не то одобительно. Отвратительная улыбка.

— Ну, что ты делаешь! — кричала Даша. — Ты сломаешь мне руку! Отпусти!

Все понятно. Даша его не видит. Теперь он будет меня преследовать. Неотлучно.

— Парень, ты все делаешь правильно! — коричневый шел рядом, курил коричневую сигарету и рассуждал, словно сам с собой. Меня бесил этот его покровительственный тон. — Дружок, ты же физик! Ты должен ко всему относиться с юмором. Что такое «нельзя красть»? Это только условность. Сейчас ты избавился от передатчика — что в этом плохого? Кто дал *им* право тебя подслушивать?! *Они* просто зарвались! А ты *их* урезонил. Молодец!

— Не подлизывайся! — огрызнулся я.

— Что?! — Даша уставилась на меня, как на умалишенного. Ненавижу, когда на меня так смотрят.

— Ничего!

— Ну, не ругайся на девушку, — пожурил меня коричневый и расхохотался. — Она же меня не видит! Кстати, вот еще что... С чего ты взял, что «нельзя читать чужие письма»? А если в них что-то важное именно для тебя?.. Бог не играет в кости, дружок! Если что-то написано, это нужно прочесть. Какая разница, кому автор адресовал свое письмо? Если это важно для тебя, ты и должен читать. Скажешь, я не прав? Но это же логично! А твои установки — глупые предрассудки! Детский сад!

Мне было, что ему ответить. Но я себя сдерживал. Даша не должна слышать, как я разговариваю с кем-то о ее письме.

Мы зашли в метро. Первый час ночи. Поезда ходят с большими интервалами. На платформе никого. В вестибюле станции гулкая тишина.

— Послушай, я же с тобой совершенно серьезно разговариваю, — коричневый продолжал на меня давить. — У тебя хороший план. Правда! Тебе просто нужно это письмо. Забери его, и делу конец. Своими предрассудками ты все испортишь!

— Отстань! — я уже готов был его убить.

— Сам отстань! — возмутилась Даша. — Ты совсем спятил?!

— Не кричи на меня! — она на нервах, я понимаю, но и меня нужно понять.

— Знаешь, что... — Даша стала на меня наезжать — грубо, резко, отвратительно, как она умеет.

Словесный понос.

— Видишь, — коричневый говорил одновременно с ней, — она же просто стерва! Ты уже расплатился с ней за это письмо. Она должна тебе его отдать. Это справедливо! Она хотела секса. Ты занимался с ней сексом. Теперь пусть она отдаст тебе письмо! Скажи ей! Пусть отдаст! Оно ей не принадлежит! Это твое письмо!

Из-за того, что они говорили одновременно, я совершенно потерял самообладание.

Прекрати! Прекрати немедленно! Я тебя убью! — я бросился на коричневого.

Мы сцепились. Я колотил его изо всех сил, сбил с ног, катал по полу. А он только смеялся и продолжал говорить. У него даже дыхание не сбилось!

— Сам прекрати! — говорит и хохочет. — Что ты строишь из себя какую-то цацу! Недотрога! Будь мужчиной, в конце-то концов! Это надо же, вы посмотрите! Он собрался управлять Миром! Да ты же слабак! Слюнтяй! Молокосос! Управлять Миром! Да куда тебе?! Ты — ничтожество! Полное ничтожество! Ты даже не можешь забрать свое письмо! Это же твое письмо! Оно было у тебя, а ты его отдал!

Я душил его, сжимал изо всех сил его пластилиновую шею. Но все без толку. Она прогибалась под моими руками, а коричневому, кажется, было на это наплевать.

— Я тебя убью! Убью! Замолчи! Немедленно замолчи! — кричал я, не оставляя попыток вынудить его замолчать.

— Смотри, уезжает! — он показал на поезд.

Двери электрички закрылись, и она тронулась с места. Последнее, что я видел, это перепуганное лицо Даши. Она смотрела на меня испуганными глазами, прижавшись руками к дверному стеклу.

— Даша! — заорал я, отпустил коричневого и побежал за поездом.

— Куда же ты, дружище?! Куда?! — коричневый развел руками, и все это вместе — и вопрос, и эта поза означали: «Ну какой же ты придурок!»

Поезд, конечно, не остановился. Мне пришлось ждать следующий.

Коричневый не унимался. Он пересказывал мне мои мысли. Делал по их поводу едкие замечания. Придирался к некоторым параметрам моей формулы. Плел что-то о звездах и своих знакомых. О том, что я Избранник. Что ему бы очень хотелось знать, какой придурок меня «избрал». И так далее, и тому подобное.

Я старался его не слушать. Точнее — не обращать внимания на то, что он говорит.

Мой взгляд остановился на рекламном щите. Молодая красивая женщина улыбалась мне с плаката. Внизу — рекламный слоган. И только я собирался его прочесть, как на моих глазах буквы в нем стали меняться.

«Ты — Избранник, — прочел я на рекламном щите, и буквы снова поменялись. — Мир принадлежит тебе, — и снова перемена, раз за разом: — Тебе нельзя допустить ошибки. Тьма наступает. Опасность! Опасность! Опасность!»

Буквы вертелись, как сумасшедшие. И вдруг застряли на этом слове — «Опасность!». Они проворачивались вокруг своей оси снова и снова, выдавая раз за разом один и тот же результат — «Опасность!»

Тревога била меня изнутри. Я, как замороженный, смотрел на эти надписи. Из тоннеля донесся звук приближающегося поезда. Гудение. Порыв ветра. Звук тормозов. Двери передо мной распахнулись.

— Ну, что? Поедем? — спросил коричневый.

— Да пошел ты! — ответил я, продолжая стоять на месте.

— Поедем... — уговаривал он.

— Три раза!

— Ну, давай!

И в тот момент, когда двери готовы были закрыться, я развернулся и с силой толкнул коричневого. Он упал, а я проскользнул внутрь вагона.

Мне удалось оторваться. Я видел, как коричневый поднялся с пола. Он стоял один посреди станции и, жеманно утирая рукой отсутствующие слезы, махал мне вслед коричневым платком.

Я перевел дыхание и огляделся. На сиденьях — семь или восемь человек. Казалось, все они дремлют. Словно мертвые. Странное чувство... Я сел и стал напряженно вглядываться в темное окно поезда. Подземка. Прообраз ада. Гул несущегося поезда. Тоннель, мелькающие в темноте редкие фонари.

Я прислушался к стуку колес: «Туф-туруф, туф. Туф-туруф, туф. Туф-туруф, туф». И сквозь этот стук стали проступать слова: «Выхода нет. Выхода нет. Выхода нет». А поезд все ускорялся и ускорялся.

«Выхода нет. Туф-туруф, туф. Выхода нет. Туф-туруф, туф».

Вдруг один из пассажиров в конце вагона встал и направился ко мне. Что ему нужно?! Пожилой мужчина, голова опущена. Но вот он поднимает ее, и я начинаю различать в его лице знакомые черты.

На глазах этот пожилой мужчина превращался в коричневого!

— Дружок! Ну, что за глупости! — коричневый стоял прямо передо мной и качал головой. — Ты меня разочаровываешь! С виду такой умный мальчик, а ведет себя, как трехлетнее дитя!

— Что тебе нужно?! — я вжался в сидение.

— Честно? — спросил он.

Его голова скатилась с плеч, словно по трамплину для прыжков с высоты, и закачалась, как головка китайского болванчика, прямо перед моим лицом.

— Да, — конечно, я хотел знать правду. Его голова вернулась обратно — к плечам:

— Кто знает... Кто знает... — кокетливо протянул коричневый. — Я вообще ничего не понимаю... Кому могло взбрести в голову возложить на тебя такую ответственную миссию? Ума не приложу! Ты же юродивый! Ну честное слово! Отвратительный, мерзкий, глупый. Форменный неудачник! Боже мой, и я должен с ним заниматься!

— Так оставь меня, оставь! — заорал я.

— Тише, тише! — зашипел коричневый и, притворяясь встревоженным, стал оглядываться по сторонам. — Покойников разбудишь!

Глядя на мое испуганное лицо, коричневый расхохотался. Вагон качало из стороны в сторону. Звук его смеха перекрыл гул несущегося по тоннелю поезда. Покойники встрепенились и стали медленно подниматься со своих мест.

Резкое торможение. Поезд вылетел на платформу следующей станции. Я бросился к дверям, вырвался наружу и помчался по вестибюлю к эскалатору.

Когда я добрался до Дашиного дома, коричневый стоял у подъезда, изображая услужливого швейцара.

— Милости простим! — пропел он елейным голосом и распахнул передо мной дверь.

Я вошел внутрь и обернулся.

— Удачи вам! — поклонился он. Дверь за мной закрылась.

Я был в замешательстве. О какой миссии мне говорит коричневый? Что значит — Избранник? Откуда ему известны все мои планы, мои мысли, моя формула, то, где живет Даша. Вообще — все? Он хочет

получить через меня письмо? Может быть, он надеется, что я достану у Даши письмо, а затем он его у меня отнимет?

Я сидел на полу лифта, не в силах нажать на кнопку «7». Даша живет на седьмом этаже. Паралич воли. Нет никаких сил.

Двери лифта то съезжались, закрывая меня в этом кубе с зеркалами на стенах, то разъезжались. Медленно, чинно, не торопясь. Пульсирующее пространство. Так пульсирует Вселенная. Этот лифт, словно маленький атом Вселенной. Я — ядро, протон. Его стены — орбита движения моего электрона.

Даже если я поднимусь на седьмой этаж... Даша не отдаст мне письмо. Если у меня не будет письма, я не сделаю того, что должен. Страшная правда.

Мой план прост — превратить все вещество Вселенной в антивещество. Антивещество — это вещество гигантской плотности. Оно сжато. В нем нет расстояний между ядрами атомов и электронами, как у вещества.

Если представить себе, что Солнце — ядро атома, а планеты — электроны, движущиеся по своим орбитам, то антивещество — солнце и планеты, сложенные в одну авоську. Антивещество — это вещество экстремальной плотности с гигантской гравитационной силой. Это то, что называется Черной дырой.

Чтобы превратить вещество в антивещество, а всю Вселенную в одну большую Черную дыру, нужна огромная энергия. Эта энергия во Вселенной есть — именно столько ее потребовалось для Большого взрыва. Но после взрыва она рассеялась. Теперь ее нужно собрать. А для этого нужен резонанс, необходимо синхронизировать процессы.

У Даши в квартире на седьмом этаже письмо. В нем ключ к моей формуле. Нужно только подставить его в формулу. А дальше все пойдет своим ходом — большое количество «случайностей» приведет к последствиям вселенского масштаба. Осталась всего пара шагов. И на последние пару шагов у меня просто нет сил. Несправедливо.

Если превратить одну только Землю в антивещество, она уместится у меня на ладони. У этого шарика будет масса Земли. Великое сосредоточие силы. Черная дыра на ладони. А вся Вселенная — шарик, величиной с Землю.

Если вся Вселенная утрамбуется в одну большую Черную дыру, вещество в ней перемешается. Антивещество — это абсолютный хаос, оно гомогенно. В таком состоянии Вселенная сможет существовать только мгновение. Потом будет взрыв. Это как тасовать колоду карт. Новая комбинация будет удачнее прежней.

Мне 23 года. Я видел многое и многое понял. Эта Вселенная — самая неудачная из всех возможных комбинаций энергий. Ее высшее существо — человек. И это высшее существо — апогей ее развития. Но он ниже низкого! Он не заслуживает жизни. Все, что он сделал — это потерял душу. Развитие Вселенной по данной ветви не должно продолжаться.

Все рожденное должно умереть. «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода», — так говорил Христос. Так он говорил о своей смерти. Не умерший — не воскреснет. Не воскресший — не узнает жизни вечной. Все рожденное должно умереть.

Я должен...

Тут мои путанные размышления, которыми я пытался так безуспешно привести себя в чувство, прервались. Двери лифта с грохотом захлопнулись. Он взлетал. Меня вжало в пол. От свиста заложило уши. Стены сдвинулись.

Пушечное ядро, которым выстрелили в бесконечность. А в этом ядре — слизень.

От перегрузки меня затошнило. И вырвало бы, но уже через сотую долю секунды лифт выплюнул меня на площадку седьмого этажа. Словно хищник, разочаровавшийся в добыче и не желающий продолжать трапезу.

— Ты меня достал, гаденыш! — на площадке стоял коричневый. — Возьми себя в руки! Слабак! Немедленно достань это письмо! Ты слышишь, что я тебе говорю?!

Его пластилиновая шея, словно змея, вытянулась на несколько метров и кольцами повисла в воздухе. Коричневая голова объезжала меня со всех сторон, будто камера на специальном кране-штативе. От ее кругового движения меня затошнило еще больше.

Наконец, шея коричневого оплела мое тело, и я был поставлен перед Дашиной дверью. Коричневый нажал на звонок. В тишине давно уже спящего подъезда раздался нервный, надрывный гудящий треск.

За дверями квартиры началось движение.

— Кто там?! — раздался раздраженный голос Дашиной мамы.

— Это я, Митя, — пролепетал я. — А Даша спит?

Конечно, спит! Третий час ночи!

— Но мне нужно с ней переговорить...

Дверь приоткрылась. Недовольное лицо укутанной в халат женщины воззрилось на меня сквозь

образовавшийся проем:

— Ты совсем больной, да?..

— Ну, пожалуйста...

— Я тебе говорю, идиот, она спит! — Даши- на мама собиралась закрыть дверь. — Иди домой, завтра все решишь.

— Но мне надо сейчас...

Коричневый стоял в темноте рядом с дверью и шептал:

— Оттолкни ее, оттолкни! Пройди в комнату и возьми письмо. Оно на комод, рядом с музыкальным центром. Ну, толкай! Толкай!

— Да пошел ты! — я выругался на коричневого.

— Чего?! — мамаша приняла это на свой счет.

— Это я не вам, простите...

— Козел! — рывкнула она и дверь захлопнулась у меня перед самым носом.

— Кретин! Слабовольный кретин! — орал коричневый. — Ладно, недоделок! Я сделаю это за тебя...

И он начал барабанить в дверь. Он не просто стучал, он ломился в эту несчастную фанерную перегородку. Штукатурка сыпалась. Из квартиры стали доноситься крики. Мама кричала на Дашу, Даша на маму. Суть их препирательств сводилась к тому, кого вызывать — милицию или психиатрическую скорую помощь.

Я порывался уйти, сбежать отсюда. Ничем хорошим все это закончиться не могло. Но коричневый держал меня своей шеей, словно удавкой. Я умолял его прекратить это или отпустить меня. Я стоял перед ним на коленях. Плакал. Но он только злился и барабанил в дверь еще сильнее.

Через десять-пятнадцать минут она действительно поддалась, покосилась и уже готова была слететь с петель. Но тут прибыл наряд милиции.

Я объяснял им, что это не я. Что у меня не было намерения вредить этим людям. Что мне просто нужно было письмо. Что дверь выламывал коричневый. Что я его не знаю. Что у него длинная шея. Я им показывал на него, но они не реагировали.

Когда на моих запястьях щелкнули наручники, коричневый стоял рядом и злорадствовал. Потом он появился в участке и поливал меня всеми возможными бранными словами. Я хотел, чтобы он признался, чтобы он сказал милиционерам, кто все это затеял.

Но он только смеялся надо мной. Только смеялся...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Сначала почерк в тетради был ровный.

Шариковая ручка аккуратно выводила каждую букву.

Кое-где на полях прилагались схемы и рисунки.

Было видно, что делавший эти записи человек очень старался.

Второй день «реализации плана» был законспектирован карандашом, который, судя по всему, писавший затачивал зубами.

Неровные, прыгающие буквы. Множество исправлений.

Слова сливаются друг с другом.

Местами карандаш рвет бумагу.

Здесь тоже были рисунки и схемы.

Но не на полях, а в центре страницы.

В основном, круги, заштрихованные неровной круговой линией.

Черные, искусственные, «поставленные» карандашом кляксы.

К вечеру третьего дня у автора дневника вновь появилась ручка.

«День третий»...

Глядите, Митьку снова привезли! — кричала полная пожилая женщина в потертом белом халате. Кажется, она очень обрадовалась нашей встрече. Я удивился, поскольку никогда раньше ее не видел. Откуда она меня знает?

— Ну что, Ивановна, я его оставляю? — спросил санитар, препроводивший меня из приемного покоя на отделение.

— Оставляй, оставляй! — весело ответила та. — Тут уж мы сами управимся. Больше никого сегодня?

— Да, вроде все. Может, до вечера кого и привезут. Но к вам вряд ли. На тройке и на семнадцатом недобор. Так что... — санитар почесал затылок.

— Вот и хорошо. Вот и слава богу. Нам на сегодня этого добра хватит.

Санитар вышел. Женщина закрыла за ним дверь. На ключ.

— Чего опять учудил, Митя? — спросила она, пока мы шли по длинному коридору.

— Откуда вы меня знаете? — мне показалось, что она как-то связана с коричневым.

— «Откуда?» «Откуда?» — улыбнулась женщина, закрывая за собой очередную дверь. — Как же тебя не знать-то, Митя? Конечно, знаю. А у тебя все та же песня: как ни поступишь, все не узнаешь. Выписываешься: «Я вас, Екатерина Ивановна, никогда не забуду!» А как поступишь заново: «Кто вы? Откуда меня знаете?» Да вот уж знаю... Как такого забыть!

Ну все. Попался. Конечно. Столько агентов. Они и милиционеров завербовали. А вот теперь врачей из себя изображают.

— Ничего. Сейчас тебя подлечат, и все будет хорошо. Выпишем тебя — будешь как новенький.

Понятно, они хотят меня перепрограммировать. Так они поступают со всеми, у кого нет души. Но у меня она есть. Теперь они будут пытаться ее уничтожить. Нужно собраться. Нужно взять себя в руки. Мне будут морочить голову. Возможно, пытаться.

Мой «лечащий врач» — тоже женщина. Все это странно. Наверное, женщин легче завербовать. Какой-то философ говорил, что у женщин нет души. Вейнингер, кажется. Он застрелился в 23 года, когда понял, что мир невозможно изменить. Тогда наука еще ничего не знала ни про Черные дыры, ни про эффект бабочки. Мне тоже 23. Но я знаю все, что нужно. Я — физик. Мир можно изменить. У меня есть формула. Только для этого мне нужно отсюда сбежать и достать Дашино письмо.

— Ну, Дмитрий, что на этот раз? — спросила темноволосая женщина в очках и белом халате.

Странный вопрос.

— Значит, не хочешь разговаривать... Понятно. Все, как обычно, — она перестала сверлить меня взглядом и начала перебирать на своем столе бумаги. — Где тут у меня твои архивные истории? Да, вот. Две. А третья?.. Ты ведь у нас три раза лежал?

Она снова посмотрела на меня.

— Екатериночка Ивановна, — крикнула она. Дверь кабинета открылась:

— Да, Зоя Петровна! Я здесь.

— Екатериночка Ивановна, он ведь у нас три раза лежал? — спросила «доктор».

— Три. Точно — три.

— А почему только две архивные истории принесли?

— Наверно, не нашли третью. Но я попрошу, пусть поищут. Должна быть, — захлопотала «Екатериночка Ивановна».

— Вы уж попросите — пусть найдут. А то он же у нас молчит вечно, как партизан. И, как я понимаю, опять не узнает никого. Вас тоже не узнал?

— Нет, Зоя Петровна, не узнал, — ответила Ивановна, всплеснув руками.

— Ладно, меня забыл, — стала журить меня Зоя Петровна, — а Екатерину Ивановну-то... Она же твоя любимая санитарка была! Не разлей вода — компания! Ну, ладно.

Моя «любимая санитарка» поохала, поохала и вышла. Мы снова остались один на один с «доктором».

Так лучше. Спротивляться давлению одного вербовщика легче.

— Дима, Дима, — качала головой Зоя Петровна, пролистывая «мои» истории болезни. — Значит, позапрошлый раз ты у нас был геологом. Нашел центр планеты и хотел устроить нам тотальное извержение всех вулканов. Одну большую Помпею. Тебя тогда прямо из аэропорта привезли. Ты собирался без визы вылететь в Италию...

О чем она говорит? Какая Помпея? Что за глупости? Какая Италия? Какой геолог? Я — физик. Физик! Откуда она взяла геолога? Что-то путает? Нет, это она меня пытается запутать.

«По словам больного, — Зоя Петровна стала читать свои записи вслух, — символом души в античной мифологии была бабочка. Пиренейские горы с высоты напоминают бабочку. Это место, где покоится душа Земли. Чтобы разрушить всю Землю целиком, нужно взорвать эти горы».

Бред какой-то! Наверное, она хочет загипнотизировать меня. Так всегда делают гипнотизеры: начинают говорить какую-то ерунду — человек теряет нить рассуждений и проваливается в транс. А когда он в состоянии транса, ему можно внушить все что угодно.

— Так, а прошлый раз, — Зоя Петровна принялась читать следующую «историю», — ты у нас был биологом. Да... Нет, генетиком. Ты хотел вирус смертельный разработать. Чтобы он всеми путями распространялся — и воздушно-капельным, и через кровь, и через кожу. Потом всех людей заразить, и планету очистить. «По словам больного, теперь у человека нет души. Все люди — гусеницы. Их можно убить вирусом тутового шелкопряда». Да...

Я не биолог, я — физик! Физик! Что за ерунда! Она сама чокнутая! Сумасшедшая в белом халате!

— Ну, и кто мы теперь, Дима? — Зоя Петровна оторвала свой взгляд от стола и стала меня им буравить.

Точно — пытается гипнотизировать. Ничего не получится. У меня иммунитет на гипноз. Я специально его вырабатывал. И еще, я отсюда убегу. Обязательно убегу. Ничего, что двери с замками. У меня есть план

— это главное.

— Да... — печально протянула Зоя Петровна через минуту. — И какую бабочку ты на сей раз выдумал?.. Ну, ладно. Разберемся. Ивановне расскажешь.

Меня отвели в обшарпанную палату — большую, на двенадцать коек. В палатах двери не предусмотрены. Просто проемы — видимость дверей. Это сделано, чтобы постоянно наблюдать за больными и видеть, что они делают.

Палаты, словно одноглазые монстры, смотрят в длинный коридор, по которому ходят сумасшедшие. Но они, конечно, не все сумасшедшие. Некоторые — агенты, а некоторые — нормальные, как я, просто их считают сумасшедшими.

Моя кровать у самого окна. Окно зарешечено. Пока санитарка расстилала мою постель, я успел выглянуть во двор. Там мерно прогуливался коричневый. Он сразу же заметил меня и, расплывшись в дурацкой улыбке, помахал мне букетом коричневых цветов.

— Придурок! — процедил я.

— Чё ты сказал?! — раздалось с соседней койки.

Я обернулся. Грузный, отчаянно неприятный тип с бритой головой неправильной формы. Он поднялся на локте и уставился меня тупыми, бычьими глазами.

— А ну лежи, дурак! — вступилась за меня санитарка. — Не видишь, новенький. Не выступай, лежи! Да, да! Давай! А то сейчас Петьку позову... Развыступался тут!

Упоминание «Петьки» произвело на криво-голового почти магическое действие. Он притих и отвернулся. Ивановна накрыла мужчину одеялом и погладила его по голове. Потом эта добрая женщина повернулась ко мне и сказала:

— Митя, ты что не видишь? Вон у него с головой чего? Слесарь он. Ему голову прессом прижало. Как выжил — непонятно. Вот мучается теперь. Взрывной. Себя не контролирует. Не задирайся. Если обозлится, пиши пропало.

Я снова посмотрел на треснутого слесарным прессом. Да, к словам Екатерины Ивановны стоит прислушаться. Хорошая женщина. Добрая.

— А этот что делает? — спросил я у санитарки, показывая на полного, с проплешиной старичка, расхаживающего по палате с платком в вытянутой руке.

— Этот? — протянула Ивановна. — Да ты с ним, вроде, лежал уже тут...

Я напрягся. Снова мне намекают, что я тут не первый раз. Конечно! Давайте-давайте!

— Мить, чё ты? Вы же с ним еще и приятелями были... Диогеном кличут. Не знаю, что за имя такое. Ненашенское. Говорит, философ... — Ивановна протянула последнее слово так, словно отрекомендовала соседского академика.

— Понятно, — сказал я. — А остальные кто?

Санитарка села ко мне на кровать и стала рассказывать:

У того окна лежит новенький, первый раз поступил. Говорит, что за ним инопланетяне прилетали. Эксперименты на нем ставили. И чего такого идиота для экспериментов выбрали, ума не приложу! Может, они и сами дураки? Как ты думаешь?.. В том углу — Остап. Остапов потому что его фамилия. А еще он жульничает постоянно. Так что ты с ним ухо остро!

Про этого я тебе сказала... Да! Вот еще один новенький. Ванька, кажется. Все про Бога говорит... Я-то сама верующая. Жалко мне его... Не понимаю, чего он лопочет. От еды отказывается. Вроде как Святым Духом питается. Не знаю, не знаю. Может, и питается, да худеет. Мы его раза три в неделю через зонд кормим, чтобы совсем коньки не отбросил.

— Ивановна, что ты тут расселась! Нашла, с кем лясы точить!

Я и не сразу понял, что произошло. Надо мной возвышалась белая глыба, ворочавшая ручищами, словно двумя большими лопатами.

— Ухожу, ухожу, Надежда Петровна, — Ивановна подскочила, как по команде, и быстро ретировалась в другую часть палаты.

За всем, что происходило дальше, она наблюдала издали печальными, испуганными глазами. Но делала вид словно бы совсем ни при чем.

Рядом, у самого изголовья моей кровати, брякнула стойка с капельницей. Черт, они собираются пичкать меня каким-то дерьмом! Так я и думал! Черт!

Я попытался вскочить. Но грузное тело Надежды Петровны буквально припечатало меня к койке.

— Не дергайся, малец. Хуже будет, — процедила глыба сквозь ряд золотых зубов.

Но я не готов был сдаваться без боя. Пока Ивановна заговаривала мне зубы, я еще не понимал всей серьезности своего положения. Но сейчас все встало на свои места. Они меня, действительно, будут пытаться. Сначала лишат воли химическими препаратами, а потом начнут зомбировать. Да, им нужна моя формула! А все остальное только для прикрытия! И про геолога, и про биолога...

Я лягнул жирное тело Надежды Петровны, вывернулся, вскочил. И уже через секунду бежал по

коридору.

— Петр! — зычно позвала глыба. — Ты мне нужен!

Несколько агентов, переодетых больными, как по команде, вывалили в коридор. Они ловко сбили меня с ног, вывернули мне руки и приволокли обратно в палату. Здесь меня водрузили обратно на койку и зафиксировали с помощью специальных повязок. Бой проигран.

Я почувствовал, как игла впиалась мне в место локтевого сгиба, а колба капельницы издала характерные булькающие звуки.

— Ненавижу вас! Убила б! Шизик! — угрожающе шепнула мне на ухо Надежда Петровна. — Ничего, сейчас узнаешь, почему фунт лиха!

Я попытался кричать, звать на помощь. Но после очередной угрозы процедурной медсестры: «Сейчас будешь у меня кляп жевать!», — решил пока судьбу не испытывать. Нужно уметь проигрывать.

Но это тактическое поражение. Тактическое! Я еще отыграюсь...

Когда вся эта публика покинула палату, мое сознание начало мерцать. Наверное, действие лекарства. Тело стало сначала ватным, а потом задубело и натянулось струной.

Веки смыкались. Я чувствовал, что проваливаюсь в небытие. Сквозь узкую шелку отяжелевших век я разглядел дедушку с проплешиной. Он подошел к моей кровати и водил вокруг своим платком.

— Что это? — спросил я.

— Это фонарь, — самоуверенно ответил дед.

— Что ты делаешь?

Ищу человека...

Я проснулся ночью. тела своего не чувствую мышцы сведены. Мысли путаются. В палате темно. В коридоре свет и шум.

— А ну, строиться! Живо! — чей-то мерзкий голос выгонял людей из палат.

Топот ног и шелест тапочек по разбитой линолеумной плитке.

— Уроды, равняйся! Смирно! Товарищ Петр, уроды для ночной поверки построены! Старший по уродам, урод Трущенко.

Что там происходит? Я сплю или действительно сошел с ума? В коридоре звучат новые команды. Теперь, кажется, начались строевые занятия: «Раз. Раз. Раз, два, три! Шире шаг. Держать равнение!»

На койках вокруг никого. Только Ванька, который «все про Бога говорит», лежит на своем месте.

— Ваня, — тихо позвал я.

Он не ответил. Я попробовал еще раз:

— Ваань... Где все?

— На поверке, — еле слышно ответил он.

— А зачем?

— Просто, — сказал Ваня и повернул ко мне голову. — Способ унижения. Так каждую ночь происходит, после врачебного обхода. Петр — он прапорщиком был. Совсем больной. Дисциплину наводит...

— И что, слушаются его? — мне как-то не верилось.

— Это личный выбор, — отозвался Ваня.

— В каком смысле?

— Люди боятся умирать — но это только половина правды. На самом деле, они ждут, что все закончится. Сами и торопят конец.

— С чего ты взял? — я напрягся. Ваня только что огласил мой план об ускорении Конца Света. Откуда он знает? Тоже агент? С виду непохож.

— Потому что сражаются. «Отношения выясняют». Кто главнее. Кто урод, а кто не урод. Выяснение отношений — лучший способ погибнуть... Воин — он самоубийца. А тут все воины. За себя сражаются, но все равно воины. Им кажется, что это ради жизни. А на самом деле, ради смерти. Воин — это такая профессия, умирать.

— Да ладно... — протянул я. Я больше не тревожился. Ваня ничего про меня не знает, просто не в себе. Сумасшедший. — Воин к цели идет, а цель у него — победа. При чем тут смерть?.. Ерунда.

Мне трудно было говорить. Язык еле двигался. Челюсти почти не разжимались. Я решил прекратить этот бессмысленный разговор.

— Людям только кажется, что их смерть пугает. Неправда это. Она их завораживает. Жить, как они живут, невыносимо. Они подсознательно ищут смерти. Разрушают себя. Если у тебя за душой ничего не осталось...

Ванькин голос стал таять.

— Вань, что? — мне вдруг захотелось понять, к чему он клонит.

Кажется, он сглотнул слюну — смочил, как мог, пересохшее горло. Потом набрал в легкие воздуха и, преодолевая слабость, продолжил:

— Если у тебя за душой ничего не осталось, если ты все потерял, то...

— Что, Вань? Что?..

— Иначе жизнь не почувствовать, только на краю смерти. Боль — первый признак жизни. Он и последний. Самоубийца, думаешь, о чем мечтает? Понять, что он еще жив. Только перед самой смертью и почувствует. А в жизни не может, так ему плохо.

Тут я подумал, что это правда. Неслучайно люди стремятся к риску, ищут пресловутый «адреналин». Это дает им ощущение жизни. А сама жизнь у них мертвая. Да, это правильно.

— Не важно, как жестоко ты гонишь лошадь, — продолжал Ваня. — Не важно, как быстро она бежит. Если ты мчишься по кругу, ты все равно возвращаешься к началу. Все пустое. Суета сует, все — суета. Смерть — избавление...

Где-то я это слышал: «Суета сует, все — суета»... Где же? Не могу вспомнить.

— Хочешь сказать, что все стремятся к смерти? — голова у меня словно ватой набита.

— Да, только они этого не понимают. Все для этого делают, а не понимают.

— А ты понимаешь?

Я? — удивился Ваня. — Я — да.

В коридоре продолжались строевые занятия. Глубокая ночь, а люди, измученные лекарствами и условиями своего заключения, ходят то шеренгами, то колоннами по отделению психушки, распевая дурацкие речевки:

Кто шагает дружно в ряд? Наш придурочный отряд!

Мы уроды, дураки, Наши головы пусты!

На какое-то мгновение я забылся. И в этом забытии мне почудилось, что Ваня умер. Я очнулся от острого испуга. Холодный пот выступил у меня на лбу.

— Ваня?! Ваня?! — позвал я. — С тобой все в порядке?

В ответ я услышал смех. Тихий, едва различимый на фоне грохочущих в коридоре шагов. Вот дурак! Я так испугался, а он смеется.

— Ваня, чего смешного? — обиделся я.

— У тебя такой испуганный голос... — ответил Ваня.

— И чего? Это повод надо мною поржать?

— Нет. Конечно, не повод. Просто стало смешно. Смешно, когда люди боятся.

Я надулся, но мне хотелось с ним говорить. Понять, что он имеет в виду, когда говорит о желании умереть. Поэтому я переборол свое раздражение:

— Вань, а ты, что, значит, понимаешь, что хочешь умереть?

Мой собеседник задумался. Потянулась долгая, изнуряющая пауза.

— Это было до больницы, — начал Ваня. — Я думал. Я думал, имею ли я право жить? Вообще, каким должен быть человек, чтобы иметь право жить?

— Право? На это разве нужно? Родился — и живи, пожалуйста. Пока...

Я хотел продолжить мысль, сказать: «Пока не наступит Конец Света, а случится это скоро». Но передумал.

— Нет. Это неправильно, — серьезно сказал Ваня. — Мы же постоянно живем в долг.

— В долг? — мне показалось, что я ослышался.

— Мы же потребители. Мы потребляем воздух, пищу, воду. Мы потребляем результаты труда других людей. Мы потребляем их внимание, их чувства. Все постоянно берут у жизни в долг и даже не задумываются над этим, — тут Ваня замолчал на минуту и продолжил вопросом: — Тебе никогда не приходилось занимать по-крупному? Когда ты живешь и понимаешь, что не можешь эти деньги вернуть?

— Ну, приходилось. Я растратил большую сумму денег, не моих. И потом должен был занять, чтобы отдать. А потом нужно было отдавать, — эта история почему-то вспоминалась мною смутно, но неприятный осадок от нее ощущался совершенно отчетливо.

— И вот я живу с этим чувством. Будто бы я в долгу перед жизнью, постоянном. А как отдать — не знаю. И не отдам никогда. Только больше занимаю...

— Глупость! — обронил я.

— Счастлив тот, кто не помнит о своих долгах, — его ответ прозвучал риторически, в никуда. — А я понял: спастись от чувства, что ты перед всеми в неоплатном долгу, можно только одним способом.

— Быть нужным? — предположил я.

— Нет, — улыбнулся Ваня. — Быть любимым. Если тебя любят, то можно считать, что ты свои долги уплатил.

— А кстати, неплохое решение! — иронично заметил я.

— Нет, плохое.

— Плохое?

— Да, плохое. Очень, — подтвердил Ваня. — Тот, кто тебя любит, берет на себя все твои долги. Ты

его как бы обременяешь своими долгами... Можно так сказать — «обременяешь»?

— Можно. Но почему?

Почему? — удивился Ваня. — Потому что любовь в том и состоит, что любящий берет на себя твою ношу. Разве тот, кто тебя любит, не положит свои силы, а если понадобится, то и саму жизнь, ради твоего спасения?

— Ну... — я задумался.

Мне эти Ванины рассуждения показались странными. Видимо, потому что сам я никогда не любил. Возможно, те, кто любят, чувствуют именно так.

— Ваня, и ты поэтому захотел умереть?

— Я захотел умереть, когда умер, — ответил Ваня.

Животный испуг парализовал меня изнутри. Ваня — покойник.

— Ты мертвец? — спросил я.

— Да, я — живой труп, — ответил Ваня.

— Ладно, закончим на этом.

— Меня полюбила девушка, — стал вдруг рассказывать Ваня. — Сильно. А я понимал, что меня не за что любить. Мне казалось, что я и жизни-то не достоин. Куда уж там — любви... А еще я и сам ее любил. Только поздно это понял...

— Поздно? — справился я. — Она тебя разлюбила?

— Нет, она покончила с собой, — ответил Ваня, и по голосу я понял, что его душат рыдания.

— Покончила с собой? Но почему?!

— Потому что я не хотел, чтобы она меня любила. Это неправильно. Люди не должны любить. Это неправильное чувство, нечестное.

Нельзя брать на себя чужие долги. Их нужно самому выплачивать. А любящий крадет у тебя твои долги...

— Ну ты даешь! — я был потрясен. — Ты и в самом деле ненормальный!

— И теперь я хочу умереть, — закончил свою мысль Ваня. — Раньше хотел, а не понимал, а теперь и хочу, и понимаю, что хочу. Я уже скоро умру.

Строевые занятия в коридоре плавно перешли в конные учения. По команде «урода Трущенко» люди в коридоре скакали, цокали и ржали, изображая лошадей. Потом, как мне показалось, больные инсценировали расстрел военнопленных. И делали еще что-то военизированное, но что именно, я не понял. Через пару часов все закончилось.

— Значит так, уроды! — я узнал сиплый, низкий голос Петра. — Урок философии. Запомнили: «Битиё определяет сознание». Понят-но?!

— Понятно, понятно! — никто не возражал.

— Теперь вопрос по уроку: что такое дисциплина?! Ответ: дисциплина — это, когда все меня слушаются! А что бывает с уродами, которые меня не слушаются?..

Выстроенная, как на параде, толпа загалдела: «Надо наказать!», «Бить! Бить, чтобы не повадно!», «Голодовку!», «Скормить им все таблетки!», «Уши прижечь!», «Мозги вправить!»

— Кто сказал — «мозги вправить»? — голос Петра, словно раскат грома, прервал этот верноподданнический галдеж.

Тишина. И потом несколько голосов:

— Он! Он сказал!

— Ты? — спросил Петр.

— Я, — пролепетал кто-то.

— Зовут?

— Дутов, — ответил тот, и я узнал в нем кривоголового.

— Урод Дутов, — прошипел Петр.

— Урод Дутов, — исправился тот.

— Слушай, ты, — Петр говорил так, что даже мое задубевшее тело поежилось. — Какие мозги?!

Какие у вас могут быть мозги?! Вы все — уроды! Повтори!

— Мозги, — затараторил Дутов. — Какие мозги. Какие могут быть мозги. Вы все уроды.

— ЧТО?! — заорал Петр. — Что ты сказал?!

— Вы все уроды, — повторил Дутов фальцетом. От ужаса или по глупости он и не понял, что сейчас значила эта фраза в его устах.

Звук удара. Грузное тело с грохотом упало на пол.

— Сколько мне это повторять?! — звучал в гробовой тишине голос Петра. — Вы — уроды! Вы должны помнить, что вы — уроды! И я вынужден жить здесь с вами, чтобы вы поняли: вы — уроды! Вы должны ложиться спать и просыпаться с одной мыслью: вы — уроды! Повторить!

Толпа хором отрапортовала: «Мы — уроды! Мы — уроды! Мы — уроды!»

— Дружочек, скоро и ты будешь так орать... Я слегка сдвинулся на подушке и посмотрел в окно. Там маячила голова коричневого. Он вытянул шею до третьего этажа и теперь, из темноты, заглядывал внутрь моей палаты.

— Сгинь, — прошептал я.

— Я-то сгину, конечно, — голос коричневого стал вдруг жалостливым. — Только вот ты быстрее соберешься... Думаешь, эта золото-зубая тебя оставит? Она же тебе прямо сказала: «Хуже будет». Ее специально наняли! Точно тебе говорю! У меня на этот счет информация есть. И письмо под угрозой. Сейчас его менты как «вещдок» изымут, и все — накрылась твоя формула. Бежать надо, дружище. Бежать...

— Сам знаю. Только вот... — я потянул ноги, привязанные к спинке кровати.

А это потому, что надо было меня с самого начала слушаться. Не слушался — и на тебе результат. Я согласен — воровать нехорошо. Но это не ты виноват. Это мир плох. Ты и сам знаешь. А иначе, зачем его взрывать? Все ты правильно придумал. Ты только посмотри, что там в коридоре творится? А что в клубе было? А покойники в метро? Думаешь, где-то в другом месте лучше? Этот мир гниет изнутри. Весь уже прогнил.

Люди смысла в жизни не видят, пустая у них жизнь. Все растеряли. Ничего святого не осталось. Вот и занимают себя, чем придется. Кто-то пьет, кто-то колет, кто-то «к культуре приобщается». Кто-то думает, что влюбляется, кто-то ненавидит всех. Кто-то учится, сам не зная зачем. Кто-то работает день и ночь, чтобы света белого не видеть. Кто-то вот — самоутверждается...

— Уроды, равняйся! Смирно! — раздалось в коридоре. — Слушай мою команду! По койкам бегооом марш!

Затеянная под конец переключка закончилась, и всех распустили по палатам.

Трое втащили к нам в палату обмякшее тело. И только когда они оказались около моей кровати, я понял, что это тело — кривоголовый. Они водрузили его на кровать и замерли, глядя на результаты своей работы.

— Как тяжела жизнь... — пролепетал щуплый мужчина, о котором мне Ивановна рассказывала, что он жертва инопланетян.

Особенно дурная! — добавил Диоген и улыбнулся.

— Что с ним прошептал я.

— Сначала пойми, что с тобой. Потом спрашивай о других, — ответил Диоген.

Неприятный старик. Но с языком у него все в порядке — острый.

— Развяжи, а? — попросил я, показывая на свои руки.

— С развязанными ты дошел до сумасшедшего дома, — Диоген развел руками и склонился надо мной.

— Не логично ли предположить, что со связанными твоя жизнь станет лучше?

— Ты больной, да? — я разозлился.

Больной — не больной, но в этом сумасшедшем доме меня по рукам и ногам не связывают, — старик сделал вид, что мол, разговор окончен, и он уходит.

— Подожди... — получилось вдруг так жалостливо.

— Ну чего еще? — Диоген обернулся. — Сказал же, не буду развязывать. Петька чефирить пошел, а потом пойдет с инспекцией — увидит и накомстыляет.

— Ладно, не развязывай. Просто посиди со мной. Пожалуйста...

Диоген притворился недовольным. Но сел на край моей кровати.

— Подумай об этом, как об уроке, — сказал он, задумчиво глядя в окно. — Если ты, связанный, научишься быть счастливым, то каким счастливым ты будешь, когда тебя развяжут.

— Говорят, мы раньше с тобой дружили...

— Мне этого не говорили, — ответил Диоген.

— Так этого не было? — удивился я.

— Я этого не говорил...

— Тьфу! — я отвернулся к стене. — Чё ты мне голову морочишь?!

— Знаешь, — сказал он вдруг серьезно-серьезно, — однажды я защебетал по-птичь, и слушать меня сбежалось все отделение. Ради пустяков они сбегают, бросая любое дело, а ради важных вещей и не пошевеливаются! И вот я спрашиваю себя: говорить мне с тобой серьезно или валять дурака?

— Все зависит от того, что ты хочешь услышать в ответ...

— Хорошо, — Диоген поднял брови. — Я хочу услышать правду.

— Ну завернул... А апломба-то сколько! Давай, спрашивай — отвечу!

Диоген расхохотался:

— Раньше ты был умнее!

Я удивленно на него уставился:

— Умнее?..

- Откуда ты знаешь, в чем правда?! — продолжал смеяться Диоген.
- Да уж знаю! — меня бесил его смех.
- Вот и скажи мне, есть смерть или ее нет?
- Есть!
- Да неужто! — он разыграл потрясение. — Ты ее видел?
- Ладно, — огрызнулся я. — Но жизнь-то я точно видел. Это правда. Жизнь есть.
- Тогда объясни, что это такое «жизнь», — предложил Диоген и надменно сложил на груди руки, словно собрался долго и внимательно меня слушать.
- Ну... — я озадачился. — Жизнь — это...
- Это... — вопросительно протянул Диоген.
- И действительно, что на это ответишь. Что такое «жизнь»?
- Но я могу о предметах сказать. Это окно. А там — дверной проем, — сказал я, показывая взглядом сначала на окно, а потом на дверной проем.
- Диогена и это развеселило:
- А вот я живу в бочке! Что ты на это скажешь? Вон она в том углу стоит...
- Это не бочка. Это кровать.
- Нет, это бочка! — Диоген не шутил, он настаивал на этом.
- Бочка должна быть круглой! — возмутился я.
- А это распрямленная бочка! — и он показал руками, как ее «распрямляли». — Что скажешь?!
- Так ты считаешь, нет *правды*? — спросил я.
- А мир плох или хорош? — «ответил» мне Диоген.
- Мир плох! — уверенно сообщил я. Уж в этом у меня сомнений не было никаких.
- Это *твой* мир плох! И худо тебе. А у счастливого мир замечательный! Но ведь это один и тот же мир — твой и его! Он один! Ну, и скажи теперь, плох мир или хорош?
- Мой рассеянный взгляд упал на Ваньку. Он лежал на своей постели — неподвижный, закрыв лицо истощенными руками.
- Мир плох, Диоген! — повторил я. — Мир плох.

День четвертый

*Я испытываю внутреннюю опустошенность... Я ничего не испытываю... Я опустошен... Внутри... Меня поместили в изолятор. В одиночку. Клетка. Окно зарешечено. Только одна кровать и все. Видимо, скоро начнут зомбировать.

Утром кривоголового перевели в нейрохирургию, в реанимацию. Он так и не пришел в себя после встречи с кулаком Петра. На отделении было проведено расследование. Допрашивал больных Петр. Остап показал, что кривоголового ударил я.

Все это специально подстроено.

Я продолжил делать свои записи. Диоген украл со стола медсестры ручку, а тетрадь я прячу в нательном белье. Я делаю записи очень тщательно. Если все здесь подстроено, то потом я смогу разобраться в том, что происходит. Когда я запутаюсь... А я уже начал чувствовать, что путаюсь.

Я рисую пальцем в воздухе символ Дао. Две капли, составляющие круг. Это противоположные силы. Весь мир держится на борьбе противоположностей. «Единство и борьба противоположностей». Если одна из них оказывается хоть чуть-чуть сильнее другой, то все — конец игры.

Сила действия равна силе противодействия. Не нужны никакие особенные затраты сил. Нужно просто подыграть одной из противоположностей. Я собираюсь разрушить мир, добавив одну маленькую детальку, но только к одной из сторон... Этого будет достаточно.

Мой план прост и точен — это непреложные законы физики.

Вчера Ваня мне объяснял свою теорию. Но только сейчас я начал ее понимать. Нет жизни и нет смерти, есть — существование. И оно длится ровно до тех пор, пока силы жизни и силы смерти находятся в борьбе, противостоят друг другу. Как только человек начинает подыгрывать своему желанию смерти, он умирает.

Ванька себя убьет. Он на самом деле не хочет жить. Кривоголовый хотел — он выживет. Если не испугается и не сдастся. А Ванька не хочет — он умрет.

Диоген делает вид, что ему на все наплевать. Но это неправда. Он это специально делает? Но зачем? Если нет правды, то нельзя сказать, что нет правды. Потому что в этом тоже не будет правды. Но он прав, правды нет. Есть игра сил, борьба противоположностей. И ее результат всегда предсказуем — побеждает та, что сильнее.

Стоп!

Нелинейность! Эффект бабочки! Небольшая деталь, сущая случайность может изменить ход игры. Кто это определяет? И разве это законы физики? Разве это не чудо?!

Я мучительно думаю над феноменом чуда. Что такое «чудо»? В этом можно разобраться, если найдется правильный ответ на вопрос: человек противостоит Вселенной или является ее частью? Если он ее

часть, то он принадлежит одной из сторон, входит в состав одной из противоположностей. И значит, он не способен творить чудеса. А если нет, если он вне этих противоположностей, над ними. То он — бабочка!

Я пытаюсь понять это. Вспомнить, что я читал о метеорологе Лоренце. О том, как он думал, когда наткнулся на свой «эффект бабочки».

Атмосферные циклоны борются с антициклонами. Зоны повышенного и пониженного давления перемещаются над поверхностью планеты. Какая из них победит, какая какую толкнет — от этого зависит погода у меня над головой. От этого зависит — светит мне сегодня солнце или я буду смотреть на сгустившиеся тучи и проливной дождь.

Но вот бабочка взмахнула крыльями в Пекине. И сила образованного ее крыльями воздушного потока, ничтожная по сути, присоединилась к силе огромного антициклона. Уступая циклону, этот антициклон шел на Запад, и, благодаря бабочке, вот он уже идет на Восток. А через месяц у меня над головой солнце, хотя, по логике вещей, должен был быть ливень. В Нью-Йорке же ураган, но должно было светить солнце!

Если я достану Дашино письмо и подставлю его в свою формулу, это запустит реакцию, финалом которой станет второй Большой взрыв. Вселенная превратится в антивещество, в одну большую Черную дыру. Нет, я не играю на стороне какой-то противоположности, я — бабочка! Человек обладает свободой воли! Он может изменить все, что считает нужным.

Почему же Ваня решил умереть? Зачем?! Что это за дурная идея: «Я всем должен. Я живу в долг. Я не имею права на жизнь»? Он на стороне своего желания умереть. Так это его свободный выбор? Или он просто заложник своей идеи? А если я исправлю его идею, он не покончит с собой? Получается, я могу его спасти? Но должен ли я сделать это? Боже мой, у меня голова сломается от этих мыслей!

«Я хочу услышать правду! — говорит Диоген. — Однажды я защелкал по-птичьи, и слушать меня сбежалось все отделение. Ради пустяков они сбегают, бросая любое дело, а ради важных вещей и не пошевеливаются! И вот я спрашиваю себя: говорить мне с тобой серьезно или валять дурака?»

С кем ты там разговариваешь? — спросили меня из-за стены.

— Меня кто-то подслушивает?

Я только сейчас понял, что разговаривал вслух. Это так непредусмотрительно!

— Я не подслушиваю, просто слышу, — ответил человек.

Я еще раз окинул взглядом помещение изолятора, на сей раз с пристрастием. Прямо над моей головой красовалась вентиляционная решетка. Я залез на спинку кровати и посмотрел сквозь нее. Хорошенькая вентиляция! Она напрямую идет в соседнее помещение, а сама стена в каких-то два пальца! Это специально сделано для прослушивания!

— Э-эй! — крикнул я через отверстия решетки. — Ты там?!

— Не ори! — ответили мне.

— Что ты там делаешь?

— Хороший вопрос! — рассмеялся мой собеседник. — Мне бы и самому хотелось знать, что я тут делаю, блин! В психушке! Поел галлюциногенов и на тебе — сиди с дуриками. Ты — дурик?

— В каком смысле? — не понял я.

— Ну, в смысле, так галлюцинируешь или закидываешься? — деловито спросил он.

Я не галлюцинирую...

— Понятно, значит дурик, — постановил молодой человек. — Как зовут?

— Меня?..

— Нет, дядю Васю!

— Митя.

— А я Стас. Будем знакомы.

Мы замолчали. Я пытался осмыслить нашу беседу. Все это выглядело, как минимум, странно.

— Ты чё замолчал-то? — Стае проявился минут через десять.

— И все-таки ты меня подслушивал...

— Ну, точно — дурик, — пробурчал себе под нос Стас и продолжил, но уже отчетливо: — Просто прикольно. Вся эта твоя галиматья про Конец Света. Развел, конечно, канитель... Не понимаю, чё ты так паришься? Если, как ты говоришь, он и сам должен кони двинуть, зачем напрягаться? Живи, наслаждайся жизнью.

— Вот все так думают, и вот результат...

— Слышь, ты, не гони! — оборвал меня Стас. — Еще дурики мне тут будут душилово разводиться. Я с тобой по-нормальному хочу поговорить. Мне реально в кайф твоя философия. Ты это мощно задвинул: «Я, типа, бабочка!», то-сё. Сейчас взмахну крыльями, и привет! Поминай, как звали.

Стаса, как он выразился, «пробило на разговор». Он стал рассказывать мне о своих опытах с галлюциногенами. О том, чем наш АСД отличается от голландского, с какого как «вставляет». Еще он поделился своим опытом грибника. По его словам, настоящие галлюциногенные грибы есть и в средней полосе. Он их собирал с сотоварищами и ел. Прямо так. Какие-то поганки... И все это он говорил к тому, что

сам он бабочкой ни разу не был, но однажды его вставило кузнечиком. Он даже видел свое отражение в зеркале — со множеством лапок на груди и животе, хитиновыми пластинками, крыльями, характерными челюстями и длинными усиками. Я его слушал и думал: «Вот кто из нас двоих дурик — так это ты, Стае!»

— И знаешь, что я тебе скажу, Митя, — продолжал Стае. — Все это ты, конечно, клево придумал. Там, типа, эффект бабочки. Взмахнула крылышками, бряк-бряк-бряк. А за ней воробушек... Но херня это все.

Я никому не говорил еще... Тебе скажу. Ты у нас такой продвинутый в этой теме. Есть у меня дома дверная ручка. С виду — обычная дверная ручка. Но это обман. Обманчивое восприятие. Это не обычная ручка. Это специальная ручка. Если вставить ее в отверстие, какое в дверях делают для таких ручек, и повернуть, то весь мир тут же и... грохнется. Как карточный домик сложится! Честно тебе говорю! Я это совершенно отчетливо понял.

На самом деле, мир же совсем не такой крепкий, как говорят. Он зыбкий. На химии это крепко вставляет. Все условность. И времени нет, и пространства нет. И человек — сегодня живет, а завтра — помер. Все — химера одна. А тут ручка, фактическая... Поворачиваешь — и все!

Я ее на одной даче нашел — у пацана знакомого, на чердаке. Там и дверей-то таких не было, для которых эта ручка подходит. Ну я и спер ее, конечно. Думаю, пусть уж лучше у меня будет. А то какой-нибудь дурик, типа тебя, кайф мне обломает. Вставит ее...

Я в последнее время столько встречаю людей, которые хотят с этим миром разделаться. Эпидемия какая-то! А я думаю, чего с ним разделяться-то? Нормальный мир. И зыбкий к тому же. Его, блин, охранять нужно, а не взрывать...

Мысли в моей голове вдруг завертелились с бешеной скоростью. От былой заторможенности и следа не осталось. Ручка. Вставить ручку. Повернуть. Мир — зыбкий. Все рухнет. Письмо. Дашино письмо. Вдруг оно об этой ручке?! Вдруг там план, инструкция — где эта ручка, что с ней делать.

— Слушай, — вопрос Стаса оборвал круговорот моих мыслей, — а правда, там этот парень... Как ты его назвал? Ваня, что ли. Или Ганя. Решил, типа, того...

— Правда, — сухо ответил я.

Мне почему-то больше не хотелось говорить со Стасом. Если бы он сказал мне, где ручка... Но он не скажет, он считает, я — дурик. Кретин!

— Ты бы ему сказал, что ли, — продолжил Стае, — что на жизнь право не нужно. Жизнь — это долг. То есть не в долг, а долг. Типа, долг это его — жить. Мир — зыбкий. Если есть — значит нужно. Если он, этот твой Ванька или Ганька, есть — значит нужно. Не ему решать. Откуда он знает, зачем? Этого никто не знает.

Ты, вот, сам говоришь, что все со всем связано, все от всего зависит. Борьба там этих... противоположностей. Немножко добавить, немножко убавить. Бабочка там, туда-сюда. Сложная штука! А тут вдруг целого человека не станет! Разве не изменится ничего в этом мире, даже если от бабочки столько зависит. И не по закону не станет, а по «свободной воле». Это же какая может катавасия из-за этого произойти!

К этому моменту я Стаса уже не слушал. Но вдруг его слова проступили в моем сознании, словно я перемотал пленку: «А тут вдруг целого человека не станет. Разве не изменится ничего в этом мире, даже если от бабочки столько зависит. И не по закону не станет, а по "свободной воле"».

Я оцепенел...

За стеной раздался женский голос.

— Семикин, давай, собирайся! Выписывают тебя. Родственники приехали. На мерседесе...

— Ну слава богу, дождался! — обрадовался Стас.

— Да уж, хватит нам тут блатными бокс занимать.

— Ладно, не обеднели, — огрызнулся он.

Я сидел в тишине и слушал, как стучит мое сердце. Слово для него время идет по-другому. Торопится. Будто часовой механизм у бомбы, заложенной под зданием мира.

А вдруг они что-то лекарствами с моим сердцем сделали, чтобы оно свой ресурс израсходовало, и я не успел свой план реализовать?!

Началась паника. Я хожу по изолятору — от стены к стене, от стены к стене. Черт, я действительно могу не успеть! Под окном точно так же нервно маячит коричневый. Он всем своим видом сообщает мне, буквально требует, — нужно бежать, времени не осталось.

«Как?!» — мысленно спрашиваю у него.

Он в ответ только пожимает плечами и показывает на коричневые часы — мол, время не терпит. А я и сам знаю, что оно не терпит. Но у меня и в голове туман, и мысли путаются. За закрытых дверей отсюда до выхода штук десять, если не больше. Замуровали.

За стеной снова раздался какой-то шум. В помещение вкатили то ли кресло-каталку, то ли какое-то другое приспособление.

— Значит так, — командовал женский голос, — привязали его хорошо. Сейчас давайте, кормите. Все помните, как делать?

— Да, помним, — я узнал голос «жертвы инопланетных экспериментов».

— Вот — нате вам зонд. Вводите через нос, а потом туда порциями всю эту миску. Вазелином не забудьте смазать. Понятно?

— Понятно, — это уже говорил Остап.

— Что они там собрались делать?

Дверь закрылась. Наступила тишина. Нервные шаги стали мерить пол соседнего изолятора — от стены к стене, от стены к стене.

— Я в отчаянии, я в отчаянии! — забормотал Остап. — Худяков, ты слышишь меня? Я в отчаянии!

— Не знаю, Остап. Не знаю... — повторяла «жертва НЛО», которую Остап называл Худяковым.

— Но мы должны что-то решать. Должны?!

— Должны, Остап. Должны.

— Ты понимаешь, что, когда этот прессом вдаренный вернется, он меня на британский флаг порвет?!

Порвет. Дутов — он же дебил! — Остапа трясло. — Ну, конечно, я сказал, что его этот чудик новенький ударил. А как? На Петра показать?! Так тогда он от меня мокрого места не оставит!

— Может, и обойдется, — протянул Худяков. — Не все из реанимации возвращаются...

— Не все возвращаются, — повторил Остап, и в его голосе затеплилась надежда. — Может, как-то там его... Это...

— А как ты туда попадешь?

Этот вопрос Худякова выглядел наивным и глупым. Похоже, этот Худяков настоящий «дурик».

Да. Отпадает, — Остап снова зашагал по комнате. — Ты думай, думай! Мне точно сказали, что Петр — инопланетянин. Он тебя заберет к себе на корабль и будет мучить. Эксперименты над тобой ставить. Твои мозги просвечивать...

Кажется, Худяков заплакал. Жалобно, как ребенок.

Черт, да Остап им просто манипулирует! Он внушает Худякову, что Петр ему угрожает.

— Помнишь, он тебе сказал, — продолжал Остап, — что он с тобой еще разберется? Что он имел в виду? «Разберется». Он хочет тебя на составные части разобрать! Понимаешь?! Так что ты думай, думай, как нам от него избавиться!

— Я боюсь, боюсь... — причитал Худяков.

— Слушай! — во весь голос «зашептал» Остап. — У меня есть план!

— План?.. — робко спросил Худяков, не веря своему счастью.

— Да! Ты задушишь Петра, когда он будет спать...

— Аааа! — заорал Худяков. — Нееет! Я боюсь! Я не могу! Он сам меня задушит!

Тихо ты! Молчи! — это прозвучало как угроза. — Слушай сюда. Мы с тобой соберем свои таблетки за пару дней. И еще я знаю, чьи таблетки можно взять. Мы их растолчем в порошок. На следующую ночь я буду заваривать Петру чифир и насыплю туда эти таблетки. Его срубит. А ты его задушишь платком Диогена. И все решат, что это Диоген его убил. Никто не узнает! Точно тебе говорю.

— Он же инопланетянин, он мои мысли может читать. Он уже читал, я знаю. Он поймет, что я хочу его задушить, — Худяков растирал по лицу слезы. — Я не могу... Мне страшно...

— А то, что тебя на запчасти разберут, тебе не страшно?! — заорал Остап.

— Страшно... Страшно...

— Значит, надо! Это твой шанс. Просто ты не будешь об этом думать. И Петр ничего не узнает. Как он узнает, если ты не будешь думать?

— Не узнает...

— Ну вот! Просто не думай об этом и все. Я буду за тебя думать.

— А как не думать? — недоверчиво протянул Худяков.

— Ты просто говори себе: «Я не думаю о том, что собираюсь задушить Петра». И все.

— Все?..

— А что еще? Конечно, все! — убежденно сообщил Остап.

Я сидел, вжавшись в свою кровать. Остап просто разводит этого дурачка! Он его хочет на убийство подтолкнуть. Боится, что с ним криво-головый расправится, когда вернется из реанимации. За то, что Остап меня сдал, а не Петра.

Ужас. Что здесь происходит?! Сумасшедший дом!

— Все, договорились, — постановил Остап. — Теперь давай ешь, а я пока этому зонд вставлю.

— Есть? — не понял Худяков.

— Ешь, конечно, — подтвердил Остап. — Ты ведь у нас худ-яков. Этот не хочет. Будет сопротивляться. Может, кусаться начнет или плевать будет. Тебе оно надо?! А так мы тебе кашу скормим, этому зонд засунем. Никто ни о чем не узнает, и все будут довольны. Да, Ваня?

— Да, — ответил Остапу третий голос. Ваня! Они должны его кормить, чтобы он не

умер. А они собираются его кашу съесть! Он же умрет. Точно! Я хотел закричать на них, чтобы они не смели этого делать. Чтобы они кормили Ваню. Что ему нужно есть. Что никто не будет доволен. И что я все слышал и расскажу, что они задумали убить Петра.

— Ты в своем уме? — спросили меня из-за окна.

Я обернулся. На меня в упор смотрел коричневый:

— Ты в своем уме, я тебя спрашиваю?! Или от этих заразился? — глаза коричневого елозили в орбитах, словно игрушки-раскидайки. — Тебе же никто не поверит! Кому ты что расскажешь?! А если Остап поймет, что ты все знаешь, он с тобой тоже разделается. И как тогда ты реализуешь свой план?

Меня затрясло. Я действительно не могу себя выдать. Да мне и не поверят. Решат, что я сумасшедший. Они хотят убить Петра. Ваня умрет, если его не кормить насильно. А если я себя выдам, то я не смогу реализовать свой план. Мне нужно письмо. И еще дверная ручка. Да, дверная ручка, наверное, нужна.

Что мне делать? Молчать? Кричать? Что мне делать?!

Я слышал, как Худяков стучал ложкой по миске, выгребая из нее больничную кашу. Я слышал, как срабатывал рвотный рефлекс у Ваньки, когда ему вставляли зонд. Я смотрел в окно и видел коричневого, который гипнотизировал меня своими вертящимися глазами — только бы я ничего не сказал.

И я молчал.

— Ты пойми, Худяков, — слышал я из-за стены голос Остапа. — Так нужно жить. Если все довольны — это хорошо. А если не все — это плохо. Главное, чтобы все были довольны. Никто не знает, что правильно, а что неправильно. Нельзя сказать: «Это должно быть так-то, а это вот так-то». Вообще, что значит «должно»?

Главное учесть все интересы. Если все интересы учтены, тогда все правильно. Ты смотри, представь, если Петра не будет... Ты можешь не бояться, что тебя на органы разберут. Дутов будет доволен — он на Петьку уже давно зуб точит. Я буду доволен — мне с Дутовым разбираться нет никакого интереса. Все будут довольны...

Я хотел переговорить с Ванькой. Это очень важно. Я должен передать ему слова хранителя дверной ручки: «Право на жизнь не нужно. Жить — это долг. Мир — зыбкий. Если есть — значит нужно». Но как? Там ведь эти — злоумышленники...

Постепенно образ Стаса стал странным образом стираться из моей памяти и трансформироваться. Сейчас я воспринимал его, как какого-то пророка, спустившегося с небес, чтобы поведать мне великую истину о долге жить.

Я почувствовал, что на мне лежит миссия проповедовать эту истину. Причем, единственным человеком, который нуждался в моей проповеди, был Ваня. Спасение его жизни, возвращение его в лоно истины показалось мне сейчас первейшей задачей.

— Вы закончили? — и снова звук открывающейся двери соседнего изолятора, и тот же женский голос. — Покормили его?

— Да, — ответил Остап.

— Ну тогда выметайтесь отседава!

— Ас этим как? — спросил Остап, видимо, имея в виду Ваню.

С этим? — задумалась женщина. — Сейчас у вас прогулка...

У меня затеплилась надежда — вдруг она оставит Ваню в комнате одного. Тогда я смогу с ним переговорить. Я напрягся, сосредоточился, сконцентрировал силу мысли на одной-единственной задаче — добиться беседы с Ваней. С глазу на глаз.

— Да пусть здесь посидит, — решила женщина, — а то еще не уследим. Пойдет — вырвет. А тут понятно будет. Оставляйте здесь.

Yes! Получилось! Они оставляют Ваньку одного!

Я машинально повернулся к окну и увидел счастливые глаза коричневого:

— Ты все можешь, дружок! Ты только должен поверить в себя — и судьба пойдет тебе навстречу. Ты просто не доверяешь себе. Нужно доверять себе! Все происходит так, как ты об этом думаешь. Не думай, что не получится. И все получится. Ты можешь сбежать отсюда. Просто нужно думать, что ты можешь это сделать. И судьба пойдет тебе навстречу.

Да! Я могу влиять на ход событий! Мои мысли — это энергия. Пусть и слабая, но — энергия! Если направить ее в нужную точку, то можно произвести любые перемены! Цель достижима, нужно только знать путь.

Я действительно Избранный! У меня есть истина о долге жизни и формула Большого взрыва. Я смогу сделать то, что нужно! Я буду управлять Миром! Сейчас только разберусь с Ванькой и сбегаю отсюда.

— Ваня! — позвал я.

— Кто тут? — спросил он.

— Это я — Митя.

— Ааа, — еле слышно протянул он. — Привет.

— Ваня, ты должен есть, — со знанием дела сообщил я. — Чтобы жить, право не нужно. Жить — это долг. Нельзя решать свою судьбу. Нельзя злоупотреблять свободой воли. В этом мире все со всем связано. А поэтому, если что-то есть, значит — оно должно быть. Если этого не будет, то все пойдет по-другому, а не должно, потому что мир зыбкий. И это долг — жить, если тебе эту жизнь дали...

Я прервал свою отповедь, потому что мне показалось, что Ваня смеется.

— Ты что, смеешься? — не понял я.

— Смеюсь, — ответил Ваня. — Прости.

— А чего я такого смешного сказал? — я даже разозлился.

— Нет, ну... Просто... — Ваня, кажется, искал подходящие слова. — Знаешь, как говорят, — без воли Господа ни один волос не упадет с головы человека?

— Ну, что-то такое слышал...

— И если я могу не есть, разве это не по воле Господа, если все по Его воле?

Я опешил. Странная логика. Я никогда так не думал. Что же это получается? Поступок возможен, только если его Бог разрешает? А чего Он не разрешает, то того и быть не может? Вообще?!

— Ты хочешь сказать, что Он тебе разрешил не есть? — уточнил я.

— Митя, если бы Он не допускал этого, то этого и не могло бы быть. Я бы даже подумать не мог, что можно от еды отказаться. Если я просто думаю о чем-то, то значит, Бог уже эту мою мысль допустил. Ведь все в Его власти. Ничего без Его ведома и желания быть не может.

И нет у нас никакой «свободной воли». Все предначертано, все предопределено. И ни один волос не упадет с твоей головы... Мы просто выполняем Его замысел. Мы маленькие песчинки, которые перетекают из одной чаши песочных часов в другую. Ты не решаешь — двигаться тебе или нет. Это — иллюзия. Одна большая иллюзия. За тебя решают.

Как ты не понимаешь...

Ваня снова смеялся. А я вспомнил вдруг слова Альберта Эйнштейна: «Бог не играет в кости». Все в моем сознании встало с ног на голову. Что же это получается: что бы я ни подумал и ни придумал, на все это есть воля Господа? И моя формула — не моя формула. И мое откровение — не мое откровение. И мое решение — не мое решение.

А что же тогда «эффект бабочки»? Если все предопределено, то и случайности предопределены. И результат, значит, всегда предопределен. И ничто не случайно. И если сегодня у меня над головой ясное небо, солнце светит — значит так и должно было быть. А если ураган в Нью-Йорке, то плевать на бабочку? Он должен был быть.

— Но постой, Вань, — что-то показалось мне странным во всех этих выводах. — Как же может Бог желать, чтобы ты не ел и умер от этого? Это странно. Зачем было тебе давать жизнь, чтобы потом ты от нее избавлялся. Какой-то пустоцвет...

— Странно это от тебя слышать, — ответил Ваня.

— Почему? — не понял я.

— Мне Ивановна сказала, что ты как в больницу ни поступишь, все у тебя какой-то новый план разрушения мира. Чем же ты от меня отличаешься? Я свой мир хочу разрушить, а ты — весь мир. Какая разница? Или мир тоже пустоцвет? Значит, Бог так сильно может ошибаться?

Меня колотило изнутри. Мне казалось, что моя голова сейчас просто сломается. Перегрется, как паровой котел, и рванет со всей дури! Боже мой! Что же со мной такое?! Может быть, я действительно не в себе?! Но почему мне так важно спасти Ваню?..

— Ваня, — протянул я, — но неужели тебе не плохо без еды? Зачем?..

— Это пройдет...

В коридоре послышался шум — звук шагов, крики, гомон. Мне показалось, что там человек семь или даже десять. Весь персонал отделения — врачи, медсестры, санитары.

— Нет, и не уговаривайте меня! — кричала женщина, кажется, Зоя Петровна. — Все, пора ему делать электрошок.

— Ну, может, подождем еще... Вдруг образумится, — причитала другая, чей голос был мне не знаком. — Процедуру надо было заказывать заранее...

Мысль, что сейчас мои мозги «подогреют» электрошоком произвела на меня парализующее действие. Я задрожал. Они тут, действительно, пытки устраивают! И почему мне делать электрошок?! Кто дал им право?!

Тут я все понял. Зоя Петровна — она и есть *они*...

— И слушать ничего не хочу! — Зоя Петровна раздражалась все больше и больше. — Почему вы сами его не кормили?! Ну как это можно больным доверять?! Вчера с Дутовым делов наделали, сегодня с анорексиком нашим. Куда это годится?! Я с вами еще разберусь!

Анорексия — это, когда люди ничего не едят. Да это же они Ване собрались электрошок делать! От этой мысли мне легче не стало. Теперь я перепугался за Ваню. Он только что произвел в моей душе

настоящий переворот.

Но сейчас его «вздернут», и он ничего не будет соображать. После электрошока люди становятся, как овощи. А мне нужно столько у него узнать! Сначала *они* Стаса забрали, как только он мне про ручку рассказал, а теперь и Ваню забирают. После всего...

— Но, Зоя Петровна, не успеть все самим, — оправдывались голоса прочей медицинской публики. — Сами знаете, что сейчас с кадрами. Поувольнялись же все, дежурить некому...

— Какая разница, что у нас проблемы с персоналом?! Вы должны выполнять свои обязанности! Я-то рассчитываю, что все делается, как положено. Вы старшая сестра на отделении. Если что-то назначено, оно — назначено! Хорошо сейчас мне Худяков ни с того ни с сего истерику выдал! А то как бы мы узнали, что все это наше кормление больных анорексией — фикция?!

Сейчас у него кахексия начнется, и все — нам уже электрошок будет не провести. Вы же должны понимать, что это за процедура! Мы не можем ее ослабленным больным делать! А я-то думаю, что он все худеет и худеет... А оказывается, у нас его просто не кормят. Зонд для проформы вставляют! Дурдом!

— А вы думали... — пошутил кто-то из санитаров.

Все, заберите, давайте. Электрошок и немедленно!

Галдеж переместился в соседний изолятор. Загремела коляска. Ваню повезли на электрошок.

— Следующим будешь ты, — сообщил мне коричневый.

Голова у меня закружилась, и я, кажется, потерял сознание.

Эта ночь прошла ужасно. Меня тошнило и рвало съеденной за день пищей, а потом и просто желчью. От лекарств все тело одеревенело. Я слышал голоса, множество голосов — обвиняющих, оскорбляющих, обличающих, пугающих, пророчествующих. Со мной разговаривали *они* — те, кто хотят моей гибели, те, кто боится моей силы, те, из-за кого я не могу выполнить свою миссию. И всем заправляла «Зоя Петровна».

Мне показывали чудовищные картины. Я видел, как Ваню истязают электрошоком. У него на голове специальный шлем, в который вмонтированы электроды. Его руки и ноги затянуты ремнями в специальном кресле. Его тело бьется в судороге, глаза вылезают из орбит, изо рта идет пена. А он улыбается мне и говорит: «Ни один волос не упадет с твоей головы без Его воли».

И я видел Бога. Бога, который допустил это. Бога, который создал этот мир, который я должен разрушить, потому что Он — БОГ — ошибся. Наш мир — это ошибка! И я спросил у него:

«Где Твоя святость, Господи?!»

И Он ответил мне:

«Все предопределено. Мир не оправдал моих надежд. Это я дал ему свободу воли, и вот как он распорядился ею. Что ты спрашиваешь у Меня, где святость? Моя святость — позволить этому миру умереть!»

Я видел Петра, который мучает сирых и убогих. Он называл их уродами. Я смотрел на это и понимал: это он себя ненавидит, ненавидя их. Он ничего не может изменить. Он приговорен к вечной муке. И он бы согласился умереть, чтобы прекратить ее. Но у него нет храбрости, которая есть у Вани. Он может только срывать свою злость на слабых — на тех, кто не может дать ему достойный отпор. Его сила — это сила бессилия.

Но когда Остап и Худяков попытались убить Петра, я не позволил им. Смерть не изменит Петра. А если Петр не изменится, ничего не изменится. Потому что мир состоит из людей, и если ты хочешь изменить мир, ты должен менять людей. Убивать их — это не выход. Но как изменить людей, если они не хотят меняться? И чем Остап лучше Петра, и чем Худяков лучше Остапа. Они все повязаны своим бессилием. Это круговая порука.

А потом ко мне пришел Диоген. Он держал в своей руке платок и повторял:

«Ищу человека! Ищу человека!»

И тогда я спросил Диогена:

«А почему твой фонарь не светит?»

«Потому что нет больше Света. Весь вышел», — ответил мне Диоген.

«Куда же Он мог выйти?» — удивился я.

«Он просто ушел!» — сказал Диоген и оставил меня с моими вопросами.

«Но я — человек!» — кричал я вслед Диогену.

«Но я тебя не нашел!» — звучало откуда-то сверху.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Записи, словно бессмысленные детские каракули, расползаются по странице. Автор торопится, рассуждает сам с собой.

*Иногда он нападает на важную мысль и пишет крупно, почти печатными буквами.
Но даже они похожи у него на детские каракули.
В других местах он совсем не старается, пишет мелкими, едва различимыми буквами.
Получается дрожащая линия, словно электрокардиограмма.
Биение мысли и биение сердца.
Круги ДАО и контуры бабочек.
Идет «день пятый»...*

Вот он сидит, — Зоя Петровна приоткрыла дверь и разговаривала с кем-то, стоящим в коридоре. — Пришлось изолировать. Эксцессы у нас тут на отделении. От греха подальше...

«От греха подальше». Она считает, что это я Дутова нокаутировал. Это ей Петр сказал. А Петра убьют — не сегодня-завтра. Будут «эксцессы на отделении».

— Не знаю, о чем вы хотите с ним разговаривать, — продолжала Зоя Петровна. — Может, вам и расскажет что. Со мною говорить отказывается. Включил, я думаю, в свой бред. И вас, наверное, тоже включит, не знаю. Они у нас такие... Да, Дмитрий?

Дмитрий всегда молчит. Он ни с кем не разговаривает. Ему не с кем и не о чем разговаривать. Он — дурак. Молчит и даже не думает. Он — Дмитрий.

— Хорошо, спасибо вам. Мы ненадолго, — ответил Зое Петровне мужской голос.

Дверь распахнулась полностью, и на пороге моего изолятора появились два человека: один в черном костюме, другой — в белом. Черно-белый цвет. Дао...

У меня началась паника. Кто такие? Может быть, галлюцинация. Я знаю за собой — могу видеть людей, которых другие не видят. Ко мне в изолятор входят «ДАО». Я сошел с ума. Нет., меня хотят свести с ума. Это *они* их послали. Зоя Петровна привела...

Мужчины вошли и какое-то время просто смотрели на меня.

— Мы должны тебе помочь, — сказал белый. — Поэтому, пожалуйста, не бойся нас.

Потом он выдержал паузу и добавил: «Митя».

— Кто вы? — спросил я.

— Я — Данила, — сказал белый. — А это мой друг — Анхель, он из Мексики.

Он показал на черного, а тот кивнул мне головой.

— Почему вы думаете, что я нуждаюсь в вашей помощи? — все это очень подозрительно.

Странно, что они не производят впечатления агентов...

— Ты сам знаешь, что нуждаешься в помощи, — сказал Анхель, он действительно говорит с акцентом.

— Митя, мы по поводу твоего плана, — произнес Данила.

Я замер. Агенты!

Данила заметил мою реакцию, но продолжил прежним тоном:

— Митя, ты уверен, что действительно хочешь разрушить мир?

— Я не буду с вами говорить! — закричал я. — Можете меня пытать и все такое, но я вам ничего не скажу!

— Митя, мы и так все знаем — и про формулу, и про письмо, и про Дашу, и даже про дверную ручку. Мы все знаем. Не кипятись. Я же сказал, мы пришли тебе помочь.

Мысли в моей голове забились, как дикие зверьки в клетке. Передатчики! Как же я забыл про них?! Кругом передатчики! Они меня прослушивали. Здесь на них все работают. Что же делать?!

Я должен покончить с собой. Я должен немедленно покончить с собой...

Тут моя голова автоматически повернулась к окну, и я увидел в нем коричневого. Он был в панике. У него дрожали губы, глаза остекленели, коричневая голова в котелке раскачивалась из стороны в сторону, как у загипнотизированной факиром кобры.

— Коричневый? — спросил меня Данила.

Я повернулся:

— Вы его видите?!

— Я знаю, что ты его видишь, — ответил Данила.

Откуда они могут знать о коричневом?.. А, они подслушивали мои с ним разговоры. Но я, кажется, не называл его «коричневым». Нет, называл. Когда меня арестовывали. Я милиционерам говорил. И Даша слышала. А что если они вживили мне в мозг электронные чипы?! Жидкие, по сосудам ввели?!

— И я знаю, как он выглядит, — продолжил белый, словно бы желая доказать мне правдивость своих слов.

Ну уж этого он точно не может знать! Я повернулся к окну и увидел, что коричневый моментально спрятался за карнизом.

— И как?

— Все коричневое. Шляпа на голове фетровая. Котелок. А главное — шея, словно змея. Длинная... Может вытянуться вот хоть до этого окна, а может и на плечи возвращаться. Пластилиновая.

Меня потрясло столь точное описание коричневого.

— А про план вы откуда знаете?

Это сложно объяснить, — Данила сосредоточился. — Понимаешь, мы с Анхелем ищем людей — Избранных. Всего их семь человек. Трех мы уже нашли, а ты — четвертый. И у нас с тобой связь, о которой ты даже не догадываешься. Но ведь все со всем в этом мире связано. И все люди друг с другом связаны — кто-то сильнее, кто-то слабее. Мы — сильно.

— Я ничего такого не чувствую...

С чего он вообще взял, что у нас с ним какая-то особенная связь?

— Но я чувствую. И поэтому многое о тебе знаю. Я хочу тебе помочь, правда, — сказал Данила и полез во внутренний карман своего пиджака. — Вот...

Он протянул мне конверт, и тут меня снова затрясло. Дашино письмо.

— Откуда? Откуда оно у вас?!

— Купили, — ответил Анхель. — И ты ведь мог его купить. «Все продается» — ты же сам говорил.

Простота этого решения была столь пронзительной, что я едва не закричал.

— Вот видишь, ты просто все усложняешь, — сказал Анхель, поняв, что я чувствую. — Где не нужно...

— Мы действительно хотим тебе помочь, — добавил Данила.

Я выхватил письмо...

Это было письменное уведомление. Какой-то институт. Даше сообщали причины отказа в образовательном гранте, на который она подала запрос. Далее следовали «коммерческие предложения» — описание факультетов, каких-то краткосрочных циклов и что сколько стоит. И прилагались рекламные буклеты — что-то об институте, что-то о грантах...

Бессмыслица. Я ошибся. Все было неправильно.

Вообще я никогда не плачу. Но тут слезы сами потекли у меня из глаз.

Ничего нет. Пустышка.

Данила подсел ко мне на кровать:

— Митя, ты точно уверен, что хочешь разрушить мир?

В его голосе было столько доброты и заботы, что я заревел в голос.

Отчаяние. Беспредельное, как Вселенная. Пустота. Холодная, обжигающая холодом. Боль. Нестерпимая, как Вечность.

Я вскочил и заметался по комнате. Я кричал, рвал на себе волосы. Разбегался и с силой ударился о стену. Падал на пол и бился в судорогах.

Анхель и Данила просто наблюдали за мной. Словно и не ждали ничего другого. В их глазах было сострадание. Я видел. Но чем мне поможет сострадание?

Я ошибся. Я что-то неправильно рассчитал. Где-то закралась ошибка...

— Митя, мы сделаем все, о чем ты попросишь, — сказал Данила. — Если ты должен пройти этот путь до конца, давай попробуем вместе. Может быть так ты узнаешь, чего хочешь на самом деле...

— Я не хочу жить... Я не хочу жить... Я не хочу жить... — повторял я.

— Важно, что ты хочешь, — сказал Данила и обнял меня за плечи. — Важно то, что ты хочешь.

— Мы можем попробовать достать эту дверную ручку... — предложил Анхель.

— Ручку? — Данила поднял на него глаза.

— Да. О которой Стае рассказывал, — подтвердил Анхель.

Данила посмотрел мне в глаза:

— Митя, хочешь, мы достанем ручку?

— Не знаю, не знаю... — меня словно замкнуло.

— Митя, ты должен решить, — попросил Данила. — Если нужно, то мы достанем эту ручку...

— Да, я хочу, — едва вымолвил я. — Да, я хочу эту ручку.

— Хорошо, — сказал Данила. — Завтра она будет у тебя. Только ничего не делай до завтра. Ладно?

Просто подожди. Мы принесем тебе эту ручку.

— Как вы ее достанете? — мне не верилось, что Стае отдаст им свою дверную ручку.

— Купим, — спокойно ответил Анхель. — «Все продается».

И снова это простое, понятное решение. Ты можешь купить все, что угодно. Если можно купить атомную бомбу, которая способна уничтожить миллионы людей, то почему нельзя купить ручку от двери мира? Все можно купить. Все продается.

— Я подожду, — пообещал я. — Я подожду. До завтра.

Данила подошел к двери и настойчиво постучал. Санитар отпер. Они ушли. Я остался один. Совсем один. Даже коричневый не маячил больше за окном. Пустота.

Ну, что вы там телитесь?! Пошли, пошли! Толян, провод не волочи. Да подтяни ты его, блин!

В мой изолятор ввалилась целая бригада рабочих. Трое. В робах, грязные. Они тащили с собой сварочный аппарат. Матерятся, распоряжаются по-хозяйски.

— Так! А у вас тут больной! — крикнул старший из рабочих. — Чего с ним делать?!

В дверях появилась женщина в халате. Видимо, дежурная медсестра.

— Ничего не делать, — ответила она. — Он тихий. Может, еще и пригодится вам. Трудотерапия...

— Как звать? — обратился ко мне человек со сварочным аппаратом.

— Зачем вам? — я не мог понять, что происходит.

— Ладно... — протянул он. — Ремонт у тебя сегодня будет.

— Ремонт?

— «Квартирный вопрос» смотрел? — вставил третий.

— «Квартирный вопрос»?!

— Ну передачу такую. По телевизору. Дизайнеры там всякие ловким движением рук...

— Витек, да чего ты с ним разговариваешь? — буркнул человек со сварочным аппаратом и поставил его у окна. — Давай, открывай окно. Раньше сядем, раньше выйдем.

— Господи, как она не упала еще... — старший потирал голову, оглядывая решетку. — Кто ж это догадался ее просто приложить к выступу?

— Ну я, — ответил Витек. — А чё было делать-то? Аппарат уперли, а решетку некуда девать. Да и нормально она тут встала. Тут такая щель, как специально! Видишь — стоит, не падает. И нормально.

— Витек, я тебе дам нормально! Это же «изолятор»! — закричал на него старший. — Он для буйных! Понимаешь?! Для буйных! А если б кто из них догадался посмотреть, как ты тут эту решетку присобачил?! Или просто сиганул в окно со всей дури?! А если бы она кому-нибудь на голову упала?! Кому отвечать?! Мне?! Что я такого дурака в бригаду взял?!

— Да ладно... Ну чё ты?.. Не кипятись. Ничего же не случилось. Чего теперь воздух трясти... — бормотал Витек.

— А срок не хочешь?! Годка три — «по халатности» и «преступной неосторожности»? Слабо?! — не унимался старший.

Вот слов-то набрался умных... — недовольно ворчал Витек. — «Халатности», «неосторожности». Я на зону уже дважды ходил — ничего. Нормальное место. Судьба значит такая. От судьбы не уйдешь...

Я был в шоке. Моя клетка все время была открыта. Я мог убежать... В любую минуту! Связать простыни, закрепить на батарее и сбежать. Я сам себя здесь держал!

«Вот видишь, ты просто все усложняешь. Где не нужно», — прозвучал в моей голове голос Анхеля.

— Сволочь, сволочь! — заорал я в открытое окно коричневому, разгуливающему по двору. — Почему ты мне не сказал?! Почему?!

Я был в отчаянии. Он же не мог не видеть, что решетка не зафиксирована! Он у нее столько времени околачивался! И ничего мне не сказал! А я его спрашивал! Я ведь у него спрашивал... Сволочь!

— Эка, глянь, — Толян показывал на меня пальцем. — Вот парня колбасит не по-детски!

— Блин, это у них «тихий» называется! — старший выругался.

— Почему ты мне не сказал?! — кричал я. А коричневый только разводил руками и пятился.

Я обхватил голову. Кому верить? Кому верить?! Я ему поверил, и вот результат — он меня обманул.

— Что ты разводишь руками?! Что ты делаешь виноватое лицо?! Не знал он, видите ли, не знал! — я кричал, и мне было наплевать, что тут эти рабочие, что они меня слышат, что они думают, что я сумасшедший. — Ты не знал, и я не знал. Но ты там, а я сижу здесь...

И тут меня словно молнией ударило. Я не знал, и он не знал. Но он мог знать, а я не мог знать. Он знает только то, что знаю я. За все время он не сказал мне ничего, чего бы я не знал. Он — моя галлюцинация!

— Сволочь, сволочь! — меня трясло.

— Позвать что ли медсестру? — спросил Витек.

Я оглянулся:

— Нет, не надо. Не зовите. Пожалуйста. Я сейчас успокоюсь. Я сейчас успокоюсь. Сейчас пройдет. Не надо медсестру...

Полдня они устанавливали эту решетку. Долбили стену, вводили в отверстия металлические штыри. Потом приваривали саму решетку.

Я сидел смиренно. В углу. Обхватив колени. Было холодно.

— Ох, что-то устал я... — сказал старший и отошел от окна, держась за левую половину груди. — Нехорошо мне.

— Что-то ты побледнел, Ильич... — заметил Витек.

— Шестьдесят в этом году. Совсем старый стал, — отозвался Ильич.

— Ну это ты брось, — Толян снял маску сварщика. — Может, лекарство какое-то нужно? Валидол

там...

— Ничего. У меня нитроглицерин есть, — сказал тот, достал из кармана блистер и принял таблетку. — Еще повоюем...

— Повуюем, Ильич! — Витек продолжал орудовать большими стальными кусачками. — Повуюем.

— Вы знаете что, мужики, — Ильич улегся на мою постель. — Вы живите правильно. Так лучше.

— А что значит «правильно»? — ухмыльнулся Толян.

— Тебе, Толька, пить надо бросить. Совсем ведь сопьешься. А тебе, Витька — жену завести. Без жены плохо. И дети нужны. А так, что? Ничего ведь тебя не держит. И работать надо на совесть. Чтобы не стыдно было. И в церковь ходить надо.

— Ну вот опять, развел свою философию... — протянул Витек.

— Это не философия, Вить, — Ильич закашлялся. — Это жизнь.

— А нафига оно все нужно, если пить нельзя и баба тебя пилит? Вкалывать от заката до рассвета да голодранцев плодить? Нафига?..

— Чтобы след в жизни оставить. Чтобы осталось после тебя что-то. След... — ответил Ильич.

— А что осталось-то? Вот останется тут решетка, и чё? Или сынок какой-нибудь, засранец. Ты его вырастишь, выкормишь, а он тебя на три буквы пошлет, — Витек шмыгнул носом. — «След...» — тоже скажешь! Ты что, думаешь, мой Викторovich придет посмотреть на эту решетку: мол, где тут мой батя приложился? Эх... В дурдоме решетки на окна ставить... Вот жизнь.

Ильич стал как-то странно дышать. Словно через силу.

— Да, предъявить-то особо нечего... — согласился Толян. — И что твоя жизнь, Ильич? Вот ты троих настругал. Не пьешь уже. Бригадир. В церковь ходишь. И что с того? Кому оно все надо.

Ильич шелестел блистером. Он принял еще две таблетки.

— Надо, — отрубил он осипшим голосом. — Кто ж Божий промысел знает? Как есть, так и должно быть. У Бога отчета не спрашивают.

— Эй, Ильич, — Толян обеспокоился. — Что-то ты совсем... Эй! Ты слышишь меня, нет?

Ильич не отвечал. Мужики подбежали к кровати:

— Ильич, ты чё? Ильич! Врача надо звать! Началась суматоха. Прибежали медсестры.

Послали за терапевтом. Вызвали сантранспорт. Ильичу делали искусственное дыхание и непрямой массаж сердца.

В сознание он не приходил. Только синел все больше и больше. Терапевт появился минут через десять-пятнадцать и констатировал смерть.

Мужики причитали. Сестры охали. Санитары вынесли тело.

Когда Ильичу делали искусственное дыхание, из кармана его штанов вывалился больничный ключ. Он здесь один от всех дверей. Я спрятал его в кулаке. Вытянутая металлическая трубка с приплюснутыми краями. Словно патрон. Последний патрон...

Наследство Ильича.

Я лежу на постели, на которой сегодня умер Ильич. Сначала я боялся на нее ложиться. Но на полу холодно.

Вот как — жил человек и умер. Вся жизнь. Конец. Пришел мне решетку вставить, чтобы я не убежал. А ключ оставил. В мире все так. Цель и результат — вещи разные.

Я еще никогда не видел, как умирают. Живьем не видел. Видел по телевизору, как смертные приговоры приводят в исполнение. Но так — нет. Интересно представить себя покойником.

Мне почему-то жалко Ильича. Странно, я ведь совсем его не знал. Почему мне его жалко? И почему меня только сейчас испугала эта постель. Может, в ней и до этого кто-то умер, но я не боялся. А теперь вдруг испугался.

Сколько еще таких людей, которых я совсем не знаю. Они живут и умирают. Каждую минуту, наверное. Может и чаще — каждую секунду. Раз — и кто-то умер. Почему я не печалюсь из-за этого постоянно?

Теперь у меня есть ключ. Ключ — это свобода. Я дождусь, пока все уснут. Петр проведет «строевые занятия», попьет чифир и вырубится. А я уйду. Просто уйду. Спокойно. Ничего не боясь.

Петр допьет чифир. Он еще завтра будет его пить. Завтра — последний раз. Потому что его задушат. Петр умрет. Петра не жалко. Умрет — и ладно. Он недобрый. Ильич был добрый, его жалко.

(Книга из электронной библиотеки неПУТЬёвого сайта <http://ki-moscow.narod.ru>)

Кто-то поступит в больницу и будет спать на кровати Петра. Кровати же не выкидывают, когда кто-нибудь на них умирает. И этот новенький не будет знать, что на его кровати Петр умер. И ему не будет страшно. Интересно, а Петру сейчас не страшно?

Сегодня он будет спать на кровати, на которой завтра умрет. Страшно спать на кровати, на которой ты умрешь? Наверное, страшно. А ходить по улице, где ты можешь умереть? Почему люди не боятся? Мы

можем умереть где угодно.

Никто не знает, где он умрет. Разве Ильич знал, когда входил в мой изолятор, что умрет здесь? Нет, не знал. И не боялся. А умер. Смерть вокруг. Смерть — неизбежность. Мир умирает постоянно. Он находится в состоянии постоянного умирания. Страшно. Он уже мертвый.

Мне казалось в метро, что кругом мертвецы. Мне не казалось. Кругом были мертвецы. Вокруг мертвецы. Все покойники. Смерть. Страшно. Как жить, если кругом смерть? Куда я собираюсь бежать, если кругом смерть? От смерти не убежишь. Я тоже покойник.

Что это были за люди — черный и белый? ДАО. Чего они от меня хотят? Они говорят, что я Избранный. Кем? Завтра они обещали мне принести дверную ручку Стаса. Если я сегодня убегу отсюда, то останусь без ручки.

А зачем мне ручка? Если ее вставить в специальное отверстие для ручки и повернуть, то мир рухнет. Он — зыбкий.

Я — Ангел смерти.

Глупость. Какая глупость! Я собираюсь дать этому миру то, что у него уже есть. Он полон смерти. В нем живут покойники. Зачем они живут?

«У Бога отчета не спрашивают». Что Ильич имел в виду?

Мои мысли путаются. Я пытался найти за окном коричневого, но его словно корова языком слизала. Он — моя галлюцинация. Я его избил в этом, и теперь ему стыдно показываться мне на глаза.

Но разве мир не галлюцинация? Если все зыбко... Если он уже мертвый... Разве он не галлюцинация? Но если он галлюцинация, то и я тоже галлюцинация. Я — своя галлюцинация. Все, что я знаю о себе, это одна большая галлюцинация. Иллюзия. Обман.

Не на что опереться.

Что сейчас с Ваней? Он, наверное, стал овощем. Был человеком, а потом — бах! Электрический разряд — и он овощ. Исчезла галлюцинация. Он ушел от самого себя так же, как от меня сбежал коричневый.

Ильич жил и умер. Ваня был человеком и стал овощем. Ваню тоже жалко. Он хоть и странный, но хороший. Он никому зла не желал. Ему было стыдно, что он живет. Теперь он будет жить, но ему не будет стыдно, потому что он — овощ.

Хитро придумала Зоя Петровна. Это она здесь всем заправляет. «Экссессы на отделении». Она из *них*. Все подстраивают, все организуют. Череду событий. Все не случайно. Я в больницу, а здесь Петр. Он бьет Дутова, а сваливают на меня. И меня в изолятор.

Специально, я думаю, Зоя подослала мне этих рабочих, чтобы я смерть увидел. А зачем? Чтобы я боялся. Запугивание — это самый эффективный способ воздействия на сознание. Меня трудно зомбировать — у меня душа есть. Вот и придумали этот спектакль.

Спектакль? А что если Ильич не умер? Да, *они* просто разыграли его смерть! Инсценировка! И вели себя все очень наигранно — паниковали, бегали, кричали. Дыхание искусственное... Хорошие актеры, ничего не скажешь. Я даже поверил.

И все это, чтобы подбросить мне ключ? Это наживка, крючок — попадусь или не попадусь. Сидят, наверное, сейчас — гадают.

Но если Ильич не умер, то почему мне было страшно ложиться на кровать, где он лежал? Я что, понарошку боялся? Странно, разве страх бывает понарошку? Но если он не умер, то как можно бояться?

Все — галлюцинация.

«Ты сам галлюцинируешь или закидываешься?»

Мои мысли играют в лапту.

По моим расчетам сейчас около четырех часов утра. Все уже должны спать. Я вставляю ключ в скважину, поворачиваю его, и дверь открывается.

В коридоре темно и пусто. Изоляторы — один, другой, третий. Я прохожу мимо них к следующей двери, она ведет на отделение.

Вставляю ключ, поворачиваю его, дверь открывается. Ноги подкашиваются, не слушаются. В голове винегрет. Ощущение, что в нее через уши залили свинец.

Я пытаюсь ступать тихо, чтобы никого не разбудить. Пусть спят. Сон дает силы. Им нужно спать. У них совсем нет сил. Они все покойники.

Бегство. Я осуществляю побег. Или я попался на удочку обмана? Может быть, меня уже поджидают с веревками, смирительными рубашками, шприцами? Что они хотят со мной сделать, когда поймут? Зачем я им нужен?

Я прохожу мимо дверных проемов, смотрю внутрь палат. Там койки. Они стоят совсем рядом друг к другу, словно толпятся. На них люди. Что они тут делают? Зачем они тут?

До меня доносятся стоны и всхлипывания. Место скорби... Куда я бегу? Что ждет меня за пределами этой больницы? Безумный мир?

Мне страшно. Мне кажется, что за мной следят, что тишина обманчива, что все только притворяются

спящими, а на самом деле, просто ждут. Они ждут, когда я дойду до конца, к выходу. И тогда они повскакивают со своих кроватей и будут кричать: «Попался! Не уйдешь!» Они будут смеяться тому, как ловко они меня надули.

В конце коридора стол дежурной медсестры. За ним никого. Тусклым желтым светом горит маленькая лампа.

Почему я не сказал Зое Петровне, что Петра собираются убить? Я, наверное, должен был сказать. Если я не предупрежу о заговоре, а его убьют, значит — это я его убью. Мог спасти человека, а не спас. Я — убийца в мире мертвых.

Так есть «свобода воли» или нет? То, что я сбегая, — мой поступок или божественное требование? Бог требует, чтобы я убил Петра?.. Я могу его спасти, или это тоже иллюзия? Как разобраться? Как понять? Провидение или личный поступок?

Я могу выбирать или должен следовать своей мысли?

Почему Стае не воспользовался своей ручкой? Ведь хотел, я точно знаю. Конечно, хотел. Не мог не хотеть. Но не воспользовался. Ему страшно. Это его «свобода воли», или это Бог?

Заслуживает ли Петр смерти? А мир? На мне будет два убийства? Я убью Петра и убью мир? Но Петр лично мне ничего плохого не сделал. А мир?

Я хочу уничтожить мир. Ваня уничтожил свой мир. Что теперь с Ваней? Что будет со мной? Зачем я хочу уничтожить мир?

О чем меня спрашивал этот белый?

«Митя, ты точно уверен, что хочешь разрушить мир?»

Я уверен? Нет, я не уверен. Зачем же я собирался это сделать? Потому что мир плох. Да, поэтому. Но что он сделал мне плохого?

Я остановился у стола дежурной медсестры. И мои мысли остановились. У меня не было ответа на этот вопрос. Я не знал, что мир сделал мне такого, за что я должен его убить.

Но что тогда я делаю? Куда я иду? Может быть, я и вправду сумасшедший, если собираюсь убить того, кто ничего плохого мне не сделал?

Слезы покатались у меня из глаз. Ноги не держали совсем. Я лег на пол и пополз.

Я тихо полз к двери, к последней — с отделения. Дальше будет еще несколько дверей на лестнице, и все — выход. Но лестница уже не считается. Если ты один на лестнице — это верный признак, что ты сбежал. Я бегу...

Я лежал под дверью на выходе с отделения и смотрел вверх, на замок. Вставить ключ, повернуть, открыть. Безумие. Куда я бегу?

Вдруг страшная тень мелькнула надо мной. В ужасе я прижался спиной к двери.

От кого ты бежишь, человек?

В крошечной темноте прямо передо мной стоял Диоген, размахивая своим платком у моего носа.

— От кого ты бежишь?! — он повторил свой вопрос.

От испуга и общего напряжения во мне словно что-то лопнуло. Я стал проваливаться в темноту...

День шестой

Когда я очнулся, светило яркое солнце. Я понял это, не открывая глаз. Сначала мне показалось, что я умер. Рай?

— Вот, все безобразничает, — услышал я над собой женский голос. — Стащил где-то психиатрический ключ и чуть не сбежал этой ночью. Куда бежать собрался? Непонятно.

Зоя Петровна. Не рай.

— Странную работу вы себе выбрали... — я слышу голос Анхеля.

— Да, странную, — соглашается Зоя Петровна. — Словно в закрытую дверь ломишься. С ними, как с детьми малыши...

— Тяжело вам? — спрашивает Данила.

— Мой учитель, — отвечает Зоя Петровна, — любил повторять слова Екклесиаста: «Если Бог хочет покарать человека, Он лишает его разума». И добавлял: «Поэтому мы помогаем самым обездоленным, от которых даже Бог отказался». Звучит, конечно, не без пафоса. Да и не сказать, чтобы я в Бога верила. Так... Но это правда.

— Вы говорите об этом с обреченностью, — сказал Данила.

С обреченностью... — повторила Зоя Петровна. — Ну, видите как... Мы, с одной стороны, все понимаем — психическое расстройство, химические нарушения в нервной ткани и так далее. Но с другой стороны, иногда смотришь на них и думаешь — почему они лучше, чем нормальные люди?

— Лучше... — уточнил Анхель.

— Честнее что ли? Или добрее? — Зоя Петровна пыталась подобрать нужно слово. — Вот Дима, например. Он у нас уже три раза лежал. Все время хочет мир уничтожить — то так, то эдак. А сам очень

светлый. Внутри. Понимаете? И каждый раз он что-нибудь хорошее делает. Для людей. Для других больных или для персонала. После этого ему всегда лучше становится. И мы его выписываем. До следующего раза...

— Вам не кажется это странным? — спросил Анхель. — Эта закономерность? Вы не думали об этом?

— Трудно о них думать. Голову можно сломать. Вдруг мне все это только кажется, а на самом деле просто болезнь. Сейчас плохо, пролечим — станет лучше. Не знаю... Я сегодня попросила нашего консультанта прийти. Очень хороший психолог. Пусть поговорит... Ну ладно, оставлю вас. Сумасшедшая неделя, что ни день, то какое-нибудь ЧП на отделении. А я еще сегодня дежурю сутки...

— Спасибо, — поблагодарил Данила. Повисла тишина.

— Это вам спасибо, — сказала вдруг Зоя Петровна, и дверь за ней закрылась.

Я поднял веки. Анхель и Данила. Стоят, смотрят. Я понимаю — у них для меня новость. Но это совсем не новость, скорее ее отсутствие.

— Вот, — Данила вынул из кармана пиджака дверную ручку и протянул ее мне. — Та самая.

Я взял ее. Тяжелая. С виду обычная. Старая, правда. Но обычная. Дверная ручка, как дверная ручка. Ничего особенного.

Я почувствовал нестерпимую боль в груди. Этот «ключ мира» — ничто. Неплохой улов для искателя металлолома — и все. В больничном ключе больше проку.

Я пытаюсь вспомнить свою формулу и не могу. Почему я ее не записал?! Я боялся, что ее прочтут. Я ее запомнил. Крепко. Но сейчас не могу вспомнить...

У меня ее выкрали? Выкрали?! Обезоружили? Зазомбировали? Или нет, просто забыл? А была ли она вообще? В голове крутится: « $E = mc^2$ ». И все...

— Не подходит? — спрашивает меня Анхель, хотя уже и сам знает ответ.

Я плачу. Дышать нечем. Мышцы на моем лице превратились в гримасу. Посмертная маска. Сейчас кожа не выдержит напряжения и порвется.

Это конец. Это абсолютный конец. Я — сумасшедший...

Зачем они пришли? Чего им от меня надо? Я просто болен. Я тяжело болен. Мой разум болен. «Если Господь хочет покарать человека, Он лишает его разума». За что?!

— Митя, ты все еще думаешь, что хочешь разрушить мир? — спрашивает Данила и подсаживается ко мне на кровать.

— Если Господь хочет покарать человека, Он лишает его разума, — повторяю я. — Покарать...

— Митя, я знаю, что ты не хочешь разрушать мир. Это неправда. А в чем правда? — Данила смотрит на меня внимательно и по-доброму.

— Нужно понять, понять... — мучаюсь я.

— Понять что? — продолжает Данила.

— Понять, что я должен сделать... — я напрягаюсь.

Я не знаю, что я должен сделать. Но я что-то должен сделать. Но что?!

— Митя, ты знаешь такое чувство... — Данила просит меня подключить свое воображение. — Ты кого-то очень любишь, а он все делает не так? Знаешь?

— Да, — отвечаю я, мне кажется, что я знаю это чувство.

— И какой у тебя первый порыв?

— Хочется его убить, — говорю я.

— Из любви... — продолжает Данила.

— Да, из любви, — я соглашаюсь.

Это так. Если ты кого-то любишь, а он все делает *не так*, то хочется его убить. Непонятно, почему. Ты же его любишь! Он должен делать так, как нужно, как правильно. Чтобы у него в жизни все было хорошо, чтобы он был счастлив, чтобы он радовался тому, что *живет*.

— И вот поэтому тебе кажется, что ты хочешь мир разрушить. А на самом деле, ты его любишь, — Данила говорит проникновенно, от самого сердца, — Просто тебе невыносимо видеть, что все в нем не *так*. Что люди несчастны, что души их неприкаянны, что близости между ними нет. Все одиноки.

— Как Дмитрий, — добавляет вдруг Анхель.

И я снова начинаю плакать. Мне жалко Дмитрия. Он, конечно, дурак. Но он одинокий, и ему плохо. Он ни с кем не разговаривает, и о нем никто не знает. А как его любить, если его никто не знает? И я его ненавижу, потому что он все делает *не так*. Я убил бы его! Почему он все делает не так?! Почему?!!

— Митя, не плачь, — говорит Данила. — Все наладится. Вот увидишь. Только надо верить, что все будет *так*.

— Хорошо.

— Митя, мы придем к тебе завтра. А сейчас спи. Тебе нужны силы. Ты очень устал.

Они уходят и я остаюсь один, с Дмитрием.

Обещанный психолог пришел во второй половине дня. Он разговаривал с Зоей Петровной и Ивановной за дверьми моего изолятора, в коридоре.

— Это же не первая госпитализация? — осведомился психолог.

— Дмитрий уже три раза у нас лежал, — ответила Зоя Петровна. — Содержание бреда всегда разное. Только некоторые детали повторяются. Меня он всегда включает в свой бред. И со мной не разговаривает. Только с персоналом. И то не со всеми. Не знаю, будет с вами или нет? Но мне бы, конечно, хотелось...

— Вы только не подумайте, Митя — он добрый, — засуетилась Ивановна, открывая дверь.

— А почему я должен думать иначе? — рассмеялся мужчина.

— Потому что он хочет мир разрушить, — объяснила она.

— Ну, Екатерина Ивановна, это, знаете ли, сейчас повальное явление! — мужчина шутил. — Ладно, хорошо! Оставляйте нас.

Он вошел, кивнул мне. Дверь за ним закрылась.

— Тебя как лучше называть — Митей или Дмитрием?

— Меня?! — странный вопрос. — Митей, конечно.

— А Дмитрия — Дмитрием... — психолог внимательно посмотрел на меня и загадочно улыбнулся.

— Толку-то? — буркнул я. — Он все равно ни с кем не разговаривает.

— А чего? Не хочет?

— Он ничего не хочет. Ему все хорошо. Как есть — так и хорошо. Дурак.

Психолог подошел к окну и долго смотрел куда-то в небо. Лицо у него доброе и спокойное, словно он все знает.

— Богоискатель, — сказал он наконец.

— Чего? — не понял я. — Кто?

— Ты, Митя, ты, — спокойно ответил мужчина.

— Я? Почему?

— Хочется все разрушить, — сказал он и задумался. — Если все разрушить, ничего не останется или что-то будет? Есть надежда, что что-то останется. Ведь так? Наносное уйдет, вечное да пребудет вовеки. Верно? И это что-то — Бог. Ты увидишь Его и скажешь: «Вот он я, Господи!»

Странные слова. Но, наверное, так и есть. Я вспомнил, что три дня назад говорил мне Ваня: «Самоубийца, думаешь, о чем мечтает? Понять, что он еще жив. Только перед самой смертью и почувствует. А в жизни не может, так ему плохо». Уничтожить мир, чтобы увидеть Бога...

— Глупо, да? — спросил я.

— Нет, — улыбнулся он. — Даже логично. Просто странно...

Мужчина отошел от окна и сел ко мне на кровать.

— Мить, я думаю, тебе нужно с кем-нибудь поговорить. Предлагаю себя, потому что другой кандидатуры у меня нет. Представь, что я все знаю. Просто вообрази себе это. И задай мне свои самые важные вопросы. Я думаю, тогда тебе самому будет легче во всем разобраться. Как тебе мой план?

— Все знаете?.. — усмехнулся я. Он улыбнулся мне в ответ:

— Представим.

Я подумал: а почему нет? У меня много вопросов. Я столько всего передумал за последние дни. Еще недавно мне казалось, что все ясно. Что я знаю все — про мир, про других людей, про самого себя, про свою жизнь. Но теперь все перепуталось, смешалось, превратилось в кашу. У меня нет ответов. Я хочу их получить.

Конечно, все неслучайно. Все мои встречи неслучайны. Но как разобраться, где *знаки* — то, что действительно имеет значение, а где одна иллюзия и все надуманно? Вот, например, я встретил Стаса. И мне показалось, что у него есть ключ к зданию мира. Теперь у меня в руках его дверная ручка. Пустышка. Бред. Он меня надул. Я сам себя надул.

Но вот ко мне приходят Анхель и Данила. Я их не знаю. Они говорят мне, что я Избранный. Должен ли я этому верить? Может быть, они меня обманывают? Данила подозревает, что я вовсе даже не хотел разрушить мир. Что у меня на самом деле другое желание. И я склонен ему верить, мне тоже так кажется. Но не обманываюсь ли я?

Или Диоген... Он ходит со своим платком: «Ищу человека! Ищу человека!» Нужно ли мне думать над этой фразой? А над вопросом, которым он остановил меня этой ночью: «От кого ты бежишь?» При чем, не «от чего», не «куда», не «откуда», а именно — «от кого». Я должен над этим думать или нет? Диоген ведь тоже сумасшедший...

Хорошо, представим, — .сказал я. — У меня есть диагноз — шизофрения. Правильно?

— Есть, — согласился мой собеседник и едва качнул головой.

— Шизофрения — это раздвоение личности. Но разве «здоровые» люди не раздвоены?

— Хороший вопрос, — улыбнулся он. — Попробую ответить. Люди раздвоены. Это правда. В каком-то смысле мы все шизофреники. Ты представь — вот сидит человек на диване и разговаривает сам с собой: «Надо встать, приготовить ужин». И тут же сам себе отвечает: «Нет, не к спеху это, можно и попозже. Я пока

не голоден». С кем он только что разговаривал? Очевидно, что он раздвоен.

— Ну и что в этом плохого? ДАО. Черное и белое? Ведь все на этом стоит...

— Борьба противоположностей... — протянул мой собеседник и задумался. — ДАО... Суть Дао не в том, что две силы борются друг с другом. Тут сложнее все. Суть Дао в том, что в черном есть толика белого, а в белом — толика черного. Белое может стать черным, а черное — белым. И в этом правда.

Бороться с самим собой — дело бессмысленное. Такая борьба — только иллюзия внутреннего роста. Если ты борешься с самим со бой, значит, ты где-то себе врешь. Что-то себе самому о себе самом не договариваешь. Как можно с самим собой бороться, если ты знаешь о себе правду и живешь в соответствии с ней?

— А если это ужасная правда? — я прерываю его.

— Ну что значит ужасная правда? Правда — она правда. От нее не уйдешь. Если ты, например, кого-то любишь — то любишь. Если не любишь — то не любишь. Если себя обманывать и жить с тем, кого не любишь, — будет мука. Вот что ужасно. А так, что в человеке может быть ужасного? Все, что в нем есть, — это факт. Нужно только правильно с ним обойтись...

— Правильно обойтись?

— Да. Испугаться можно. Бывает — куда деваться? Но нельзя потворствовать своему страху, слушаться его. В какой-то момент человек проявляет слабость или малодушие — кто без греха? Но нужно искать и находить в себе силу.

Тут он замолкает и словно бы ждет чего-то. Проходит минута, и он говорит всего несколько слов, но тихо и вдумчиво:

— Мы должны научиться хранить, беречь свое «белое». И еще, видеть «белое» в «черном». Что будет с «белым», станет ли «черное» «белым», зависит от человека. От его поступков.

От человека?.. — мне кажется, я начинаю нащупывать решение, выход из своего тупика.

«Ищу человека!» «От кого ты бежишь?» — звучит у меня в голове голос Диогена.

— ДАО — сложная штука. Загадка для разума. Логикой не осилишь. Представь, — говорит он мне, — в тебе борются темные и светлые силы. Хорошо. Но известно, что черное может стать белым, а белое — черным. Это ДАО. И получается, что белое, по сути, борется с белым, а черное — с черным. Безумие, правда?

Поэтому, просто воевать с тьмой — это действительно бред. Побеждая тьму, ты уничтожаешь и скрытый в ней свет. Уничтожая свет, ты побеждаешь и тьму, которую он в себе несет.

Поэтому я не удивляюсь, что тебе казалось благом уничтожение мира. Но я не думаю, что это хорошее решение. Что это вообще — «решение». Всякая борьба — иллюзия. И в этом Бог. Бог — не борьба, Бог — это доверие и поступки.

И когда он говорил это, словно бы какой-то свет ударил меня изнутри. Все мое сознание вдруг стало проясняться. Необыкновенный прилив свежести, чистоты. А он — мой собеседник — словно ничего не заметил:

— Знаешь, ты мне как сказал про ДАО, я сразу вспомнил одну древнюю китайскую историю. Рассказывают, что однажды мудрецу Чжу-ан Чжоу приснилось, что он бабочка. Он весело порхал с цветка на цветок и был счастлив. Он не знал, что он — Чжоу. Но потом он проснулся и удивился тому, что он — Чжоу. «Странное дело, — подумал он, — то ли Чжоу снилось, что он — бабочка, то ли бабочке снится сейчас, что она — Чжоу?»

Человек, пытающийся разгадать тайну мира, решает именно такую задачу. И, конечно, он путается. Здесь логика не поможет. Здесь нужно сердцем. Поэтому я и говорю: Бог — не борьба, Бог — это доверие и поступки. Не знаю, поможет ли тебе это. Но мне бы очень хотелось, чтобы помогло. Я привык доверять человеку, даже если у него «есть диагноз». Мой поступок.

Свет продолжал литься у меня изнутри. Доверие и поступок.

— Спасибо, — сказал я, испытывая к этому совсем не знакомому мне человеку чувство огромной благодарности. — Можно вас попросить?

— Почему нет? — он улыбнулся, и я увидел, что он все про меня понял.

— Вы не попросите Зою Петровну, чтобы она пришла ко мне...

А мы к ней сами пойдём, — ответил он. — Будет уставшую женщину гонять...

Мы покинули изолятор и пошли по длинному коридору к кабинету врача.

— Митька, как ты?! — услышал я, когда мы проходили мимо моей палаты. — Все, выписывают уже? Я заглянул внутрь и увидел Ваньку. Он весело выскочил в коридор и принялся трясти меня за плечи.

— Ваня, ты? — удивился я.

— Да, я! А кто же еще?

— Ты же помирать собирался...

— Этот наш Екклесиаст то не жрет ничего, то жрет как помело, — послышалось откуда-то сбоку.

— Диоген, ты? Привет! — я почему-то был сейчас очень рад этому внешне столь неприветливому

старику.

— А кому еще быть? — бурчал Диоген. — Привет-привет... Нашелся.

— Я тебе должен сказать, — деловито объяснял мне Ваня, пока мы шли к кабинету Зои Петровны, — что электрошок — лучшее средство от депрессии. Поэтому, когда у тебя возникнет депрессия, ты, пожалуйста, не медли и сразу проси, чтобы тебе сделали электрошок...

Ну, будет! — улыбнулся сопровождавший меня психолог. — У Мити депрессия не планируется.

Мы зашли в кабинет Зои Петровны.

— Зоя Петровна, молодой человек хочет с вами пообщаться! — сообщил психолог.

Зоя Петровна, кажется, потеряла дар речи.

— Дмитрий? — прошептала она через пару секунд и надела очки.

— Да, сегодня Дмитрию наконец дадут слово. Так, Митя? — спросил он меня.

— Да, — уверено ответил я.

— Ну ладно. Тогда я вас оставляю, — и психолог стал раскланиваться. — Зоя Петровна, теперь только через пару недель смогу зайти. Раньше просто времени нет. Хорошо?

— Да... — оторопевшая Зоя Петровна закачала головой. — Конечно. Спасибо вам огромное. Спасибо!

Митя, бабочка — это загадка. Но какая разница, как она летает и почему она такая красивая? Достаточно того, что это так, — сказал он мне на прощание и подмигнул так, словно бы только мы с ним знаем, что это значит. — Пока!

Дмитрий? — Зоя Петровна смотрела на меня, как на сумасшедшего. Это смешно, потому что на больных она обычно смотрит, как на нормальных.

— Зоя Петровна, я хочу вам сказать, что я не бил Дутова.

— Я знаю, Дмитрий, — смутилась она. — Я тебя просто... Как бы это сказать?... Ну, спрятала что ли. От греха подальше. Я знаю, кто Дутова ударил.

— И еще, — я решил сказать все, как есть. — Петру опасность угрожает. Он нехороший человек. Но какая разница, если ему угрожает опасность? Вы же врач. Вы же давали клятву Гиппократу.

Зоя Петровна напряглась. Видимо, она решила, что это часть моего бреда.

— Один человек боится, что ему влетит от Дутова за то, что он Петра не сдал. Я не хочу больше говорить. Получится, что я стучу. А стучать я не буду. Просто переведите Петра в изолятор, и все.

Зоя Петровна встала со своего места и нервно прохаживалась по кабинету. Несколько раз она останавливалась и внимательно смотрела на меня. Наконец, открыла дверь и выглянула в коридор.

Екатериночка Ивановна, подойдите ко мне!

Вошла Ивановна.

— Екатериночка Ивановна, я не знаю... — Зоя Петровна с трудом подбирала слова. — Петя уже лучше себя чувствует...

— Да, спасибо, Зоя Петровна. Спасибо! — запричитала Ивановна.

— Может, вы его уже заберете домой? Я не знаю...

— Уже? — Ивановна огорчилась и обеспокоилась.

— Ну вот Дима говорит, что он себе врагов нажил, — Зоя Петровна смотрела то на Ивановну, то на меня. — Заберите от греха подальше.

— Мить, правда? — спросила Ивановна. Я не мог понять, что происходит.

— Правда...

— Ну, коли так... Заберу, Зоя Петровна. Конечно, заберу. Спасибо, — Ивановна смахнула слезу и вышла из кабинета.

Зоя Петровна тяжело вздохнула и села за свой стол.

— Тяжело ей. Сынок такой уродился. Бывает, что не везет.

— Петр — сын Екатерины Ивановны? — я все еще не мог в это поверить.

Да, Дим. И больной, и злой. Но Ивановну жалко. Вот и берем его время от времени, чуть-чуть в чувства приводим и выписываем. Хотя он, конечно, устраивает тут. Впрочем, тут и без него. Не он, так другой. Всегда найдется, кому силу показать...

Зоя Петровна говорила и говорила. Она жаловалась на свою судьбу. Рассказывала, что устала от этой работы. Но я ее уже не слушал. Я думал. Сам того не понимая, я спас сейчас сына хорошей женщины. Сын плохой, но для матери он все равно — сын. Что было бы с Ивановной, если бы его сегодня ночью убили?

И в Тьме есть Свет, и в Свете — Тьма.

День седьмой

Мы не даем себе шанса быть цельными. Мы раздвоены. Это потому, что мы не доверяем себе. Не многие, я думаю, с этим согласятся. Но если они захотят быть честными сами с собой, то подумают и не станут с этим спорить.

Нам кажется, что у нас есть «темная половина» — недостойная, порочная, слабая, глупая. Каждый думает о ней по-своему, но все мы ее ненавидим. Мы ненавидим что-то в себе и скрываем его от других, а часто — и от самих себя.

Но от кого ты бежишь, ищущий человека? Ты бежишь от самого себя.

Убегая от самих себя, не доверяя себе, мы неспособны на поступки. Мы находим тысячу объяснений, которые «освобождают» нас от необходимости совершать их и менять свою жизнь. А поэтому наша жизнь не меняется.

У нас иногда возникает иллюзия изменений. Нам кажется, что мы растем. Но подлинных изменений не происходит. Потому что двигаться вперед можно, лишь опираясь на правду. А эту правду в себе еще нужно найти...

Кто мы — Чжоу, которым снится, что они бабочки, или бабочки, которым снится, что они Чжоу? И то ли это превращение, которого мы ждем? Вряд ли. Истинное превращение происходит иначе.

Ищите человека? Так от кого же вы бежите?...

ЭПИЛОГ

Мы с Данилой пришли в больницу на следующий день. В седьмой день Митино «плана». Зоя Петровна встретила нас на выходе с отделения. Обычно усталая и понурая, она была в приподнятом настроении и словно светилась изнутри.

— Как вы хорошо выглядите! — поразился я. Она засмеялась:

— Не знаю, что с ним такое случилось, но он здоров. Вот вам крест! Честное слово! Только что выписку оформила. Нечего ему тут делать.

— Удивлены? — улыбнулся Данила.

— Удивлена — не то слово! — она продолжала смеяться, весело, задорно. — Просто чудо какое-то! Не знаю, может, это временное, конечно. Но я с ним два часа разговаривала. Абсолютно здоров.

— Прав был ваш учитель, Зоя Петровна, — сказал я.

— Прав, — подтвердила она.

— Ну, мы тогда к Мите? — спросил Данила.

— К Дмитрию? — удивилась Зоя Петровна.

— Ну да...

Так все уже... — растерялась Зоя Петровна. — Уехал он.

— Как уехал? — я забеспокоился.

— Так, уехал. А вы, что, переговорить с ним хотели? — она почувствовала какую-то неловкость.

— Ну ничего, — поспешил успокоить ее Данила. — Мы его найдем. Спасибо вам за все. Удачи!

— Счастливо! — добавил я, и мы стали спускаться по лестнице.

— Подождите! — позвала Зоя Петровна.

— Что? — спросил Данила.

— Если вы все равно с ним встретитесь, передайте ему кое-что. Подождите, я сейчас вынесу.

Она исчезла за дверью отделения и вернулась через пару минут.

— Вот, — она протянула нам потертую тетрадку в 96 листов. — Это его. Он ее у меня в кабинете забыл. Передадите, ладно?

— Да, конечно, — сказал Данила.

— Ну, теперь до свидания! — Зоя Петровна улыбнулась, глядя нам вслед.

Мы с Данилой вышли на улицу.

— Надо же было у нее его домашний адрес узнать! — я хлопнул себя по лбу.

— Анхель, ты уверен? — спросил у меня Данила.

— В каком смысле? — не понял я.

В ответ Данила просто открыл Митину тетрадь на последней странице и, даже не поглядев в нее, протянул мне.

Текст заканчивался словами:

«Я знаю, что вы придете, и догадываюсь, что получите эту тетрадь. Зоя Петровна — милая, добрая и сердобольная женщина. Уверен, что она об этом позаботится. Моя личность теперь в полном порядке, так что эти записи мне не понадобятся. Восстанавливать ее не придется. А вам, насколько я понимаю, пригодится то, что здесь написано. Спасибо за все!»

Дальше — текст четвертой Скрижали Завета.

— Ты знал? — спросил я у Данилы, тыча в нее пальцем.

Он в ответ рассмеялся:

— А ты — нет?

Библиотека сайта «Путь к разуму и Силе»

<http://esotericpl.narod.ru/elbibl.htm>